

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

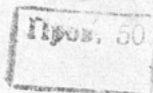
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ.

№ 1, 2

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К^о).

На Страстномъ бульварѣ.

1871.

ПЯТЬ НЕДѢЛЬ ВЪ КОКАНѢ.

I.

Приводя въ порядокъ мои путевыя замѣтки, записанныя во время путешествія по нашимъ новопріобрѣтеннымъ среднеазіійскимъ владѣніямъ и Коканскому ханству,—я рѣшаюсь говорить только о послѣднемъ. Описывать русскій Туркестанъ я не нахожу для себя возможнымъ. Я путешествовалъ по дѣламъ, и во всѣхъ нашихъ туркестанскихъ городахъ останавливался очень мало; въ одномъ Ташкентѣ пробылъ я довольно долго, особенно на возвратномъ пути; но все почти время было посвящено хлопотамъ по дѣламъ, и хлопотамъ не всегда пріятнымъ. При таковыхъ условіяхъ передавать свои впечатлѣнія, не считаю удобнымъ. Я нисколько этимъ не хочу сказать чтобъ имѣлъ поводъ жаловаться на наши туркестанскія власти. Избави Богъ. Напротивъ, въ Ходжентѣ, Самаркандѣ и даже въ Ташкентѣ я получилъ отчасти радужный пріемъ, и потому скорѣе могъ бы сказать много хорошаго. Но тутъ другая опасность: мои слова могли бы быть сочтены за лесть начальству, отъ котораго зависѣло пріятіе подвинувшее меня на такое дальнее путешествіе. Ограничусь описаніемъ моихъ впечатлѣній въ Коканѣ, кратко упомянувъ о путешествіи изъ Оренбурга до границы ханства.

Выѣхавъ изъ Оренбурга 12го апрѣля истекшаго года, въ самый день пасхи, вечеромъ, мы благополучно прибыли въ Ташкентъ 30го апрѣля, еще засвѣтло, слѣдственно въ восемнадцать сутокъ,

даже менѣе. Мы два раза ночевали на дорогѣ. Намъ предупреждали что весной надо употребить по крайней мѣрѣ двадцать пять сутокъ чтобы сдѣлать тѣ двѣ тысячи верстъ которыя отдѣляютъ Оренбургъ отъ Ташкента. Курьеры ѣздятъ въ три недѣли, утверждали люди знающіе. Вообще въ Россіи намъ говорили разныхъ ужасовъ о дорогѣ: попадаютъ де станціи гдѣ ни людей, ни лошадей, ни помѣщенія никакого нѣтъ; приходится сидѣть въ степи по двое и болѣе сутокъ одному въ тарантахъ и ожидать не проѣдетъ ли кто; если же и есть де лошади, то дикія, изъ которыхъ иная никогда не была въ запряжкѣ, хомутовъ большею частью на станціяхъ нѣтъ, лошадей привязываютъ хвостами, онѣ бьютъ всегда съ мѣста; а въ Кара-Кумѣ положительная опасность; хивинскіе Киргизы грабятъ караваны и проѣзжающихъ, и знаете что дѣлаютъ съ лѣвными? Разрѣзаютъ имъ подошвы и въ рану набиваютъ рубленый конскій волосъ. Однимъ словомъ страсти. Чѣмъ болѣе слушали мы людей знающихъ, тѣмъ болѣе становилось неспокойно на душѣ, и Киргизская степь начинала принимать въ воображеніи самый грустный колоритъ. Въ Петербургѣ, напротивъ, мы получили весьма утѣшительныя свѣдѣнія, особенно изъ официальныхъ источниковъ. Въ почтовомъ департаментѣ намъ сообщили что деньги на устройство станціонныхъ домовъ по всему тракту разрѣшены и уже давно отпущены; торги на содержаніе почтовыхъ лошадей должны быть уже сдѣланы; почтовая гоньба въ совершенномъ порядкѣ, и на проѣздъ почты изъ Оренбурга въ Ташкентъ и обратно утвержденъ срокъ времени *въ девять дней, два часа и тридцать пять минутъ* въ одинъ конецъ. На дѣлѣ, полученныя нами свѣдѣнія оказались не вполне справедливыми. Между Орскомъ и Джулюсомъ, первой станціей Туркестанскаго генералъ-губернаторства, станціонные дома или не существуютъ, или въ развалинахъ, смотрителей нѣтъ,—торги на содержаніе почтовыхъ лошадей были сдѣланы, но не были утверждены; отсюда безпорядки и непріятности чуть не на каждой станціи. Дѣло въ томъ, какъ намъ объяснили, что почтъ-содержатели, по причинѣ несостоявшихся торговъ, имѣли бы полное право удалиться, и продолжаютъ возить почту и проѣзжающихъ только изъ уваженія къ своему ближайшему начальству. Замѣчательно что безпорядокъ станцій въ Тургайской области, встрѣченный мною въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, былъ совершенно

въ томъ же положеніи и въ концѣ іюля, когда я возвращался изъ Ташкента. Прямого почтового сообщенія между Оренбургомъ и Ташкентомъ не существуетъ, хотя изъ Ташкента почта ходитъ до Форта № 1й; а изъ Оренбурга до Уральскаго Укрѣпленія; но между этими двумя пунктами, то-есть между Уральскимъ Укрѣпленіемъ и Фортомъ № 1й, на разстояніи 342 верстъ, перервано всякое почтовое сообщеніе; курьеры и всѣ проѣзжающіе, даже высокопоставленные, продолжаютъ однако ѣздить этимъ трактомъ. Не менѣе замѣчательно что до сихъ поръ почта изъ нашихъ среднеазійскихъ владѣній ходитъ чрезъ Сибирь, то-есть на Омскъ, Екатеринбургъ, Пермь и т. д. Это на 1300 верстъ далѣе, чѣмъ чрезъ Оренбургъ. Этимъ путемъ письма изъ Москвы достигаютъ Ташкента при благоприятныхъ обстоятельствахъ въ мѣсяць. Говорятъ это прекращеніе прямыхъ почтовыхъ сообщеній основано на опасеніи грабежей въ Кара-Кумѣ; но позволю себѣ замѣтить что въ опасныхъ мѣстахъ почту можетъ сопровождать конвой, и наконецъ прежде, когда Ташкентъ принадлежалъ къ Оренбургскому генераль-губернаторству, почта ходила постоянно чрезъ этотъ опасный Кара-Кумъ, и не было ни одного случая ея ограбленія. Надо надѣяться что это недоразумѣніе когда-нибудь кончится; покамѣстъ оно приноситъ громадный вредъ нашей торговлѣ.

Въ Туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ, особенно начиная отъ Казалы (Фортъ № 1й), всюду станціонные дома, вездѣ смотрители и, за нѣсколькими малыми исключеніями, такой порядокъ какъ на любой почтовой дорогѣ въ Россіи. Всего удивительнѣе что всюду разстояніе между станціями вымѣрено, чего до сихъ поръ еще не успѣли сдѣлать въ Киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства, хотя она намъ принадлежитъ болѣе столѣтія, а мѣстность, напримѣръ, около Самарканда всего два года.

Ужасовъ особенныхъ мы не видали, но лошади насъ били не разъ, случалось также что пристяжныхъ привязывали хвостами къ валькамъ, приходилось сидѣть по нѣскольку часовъ въ рѣчкахъ, ѣздить на верблюдахъ, не стану впрочемъ распространяться о всѣхъ дорожныхъ приключеніяхъ. Путь новый, длинный, и на разстояніи 2.000 верстъ всего насмотришься и натерлишься. Могу сказать что это крайне непріятное путешествіе, а между тѣмъ оно бы могло быть значительно

облегчено. По всему тракту отъ Орска до Ташкента полагается двѣнадцать лошадей на каждой станціи, нѣтъ никакого основанія ожидать чтобъ это количество было увеличено, тѣмъ болѣе что на нѣкоторыхъ станціяхъ съ трудомъ, и съ весьма большимъ, можно прокормить и эти четыре тройки. Между тѣмъ движеніе проѣзжающихъ съ каждымъ годомъ усиливается; и часто главная задержка на пути есть недостатокъ лошадей, особенно если проѣзжаетъ сколько-нибудь значительный чиновникъ или курьеръ въ тяжеломъ экипажѣ, о проѣздѣ которыхъ заблаговременно дается знать. Тогда случается проводить цѣлые дни на какой-либо станціи, въ степи, гдѣ часто нѣтъ даже и воды годной для питья. Если не встрѣтится такого несчастія по дорогѣ и обстоятельства вполне благопріятствуютъ, то и тогда на каждой станціи приходится сидѣть по крайней мѣрѣ по часу. Лошади въ Киргизской степи круглый годъ на подножномъ корму, и очень часто пасутся въ 8 и даже 10 верстахъ отъ станціи. Какъ только приѣзжаешь, отправляется ямщикъ пѣшкомъ, весьма рѣдко верхомъ, въ табунъ ловить лошадей, и покаместъ ихъ приведутъ, иной разъ приходится два или три часа терять совершенно даромъ. Это затрудненіе было бы очень легко устранить, еслибы предписано было чтобъ очередная тройка находилась на станціи или въ близкомъ отъ нея разстояніи. Всего бы лучше было устроить почтовые тарантасы, которые въ опредѣленные сроки возили бы почту и вмѣстѣ пассажировъ. Это было бы тѣмъ необходимѣе, что телѣгъ перекладаемыхъ на станціяхъ почти нѣтъ. Купцы и купеческіе прикащики, которымъ время дорого и которые большею частью ѣздятъ одни, я увѣренъ, воспользуются всѣ почтовыми тарантасами; чиновники отправляющіеся съ семействами будутъ одни ѣздить на почтовыхъ. Мнѣ кажется устройство такихъ почтовыхъ экипажей не представляетъ никакого затрудненія и обѣщаетъ казны даже выгоды; во всякомъ случаѣ оно облегчитъ почтъ-содержателей всего тракта, которымъ заведеніе телѣгъ и ихъ ремонтъ обходится въ степи чрезвычайно дорого. *

* Оренбургскій купецъ А. И. Безпаловъ содержитъ почтовые тарантасы, которые ходятъ отъ Орска чрезъ Оренбургъ въ Самару и обратно, безъ всякой помощи отъ казны, и находятъ выгоду. На первое время отъ Орска до Ташкента нѣтъ надежды чтобы частное лицо рискнуло взяться за такое предпріятіе; но почтовое вѣдомство

Ничего не можетъ быть грустнѣе Киргизской степи. На всемъ разстояніи отъ Орска до города Туркестана это сплошная, безлюдная, пустынная степь. Отъ Форта № 2й до Джебзлека попадаются густозасѣвшіе кусты саксаула, колючки и джунгаза, иногда довольно рослые, а подъ Перовскомъ даже нѣсколько деревьевъ лахучей джидды и талла; но вообще это безлѣсная и повсюду пустынная степь, однообразіе которой изрѣдка нарушается караваномъ задумчиво и лѣнливо стулающихъ верблюдовъ, или виднѣющимися издали юртами Киргизовъ, и всего болѣе мазанками, то-есть киргизскими гробницами, которыя всегда расположены на вершинѣ холмовъ. Отъ Туркестана и особенно Чемкента мѣстность становится оживленнѣе, населеннѣе; начинаютъ попадаться поля, засѣянные пшеницей, клеверомъ и ячменемъ, цѣлыя деревни осѣдлыхъ Сартовъ, и наконецъ подъ самымъ Ташкентомъ ѣдешь довольно долго между роскошными садами, огороженными высокими стѣнами изъ глины. Вообще въ Россіи, и особенно въ западной Европѣ, со словомъ степь соединяется идея о совершенно плоской мѣстности. Не такова Киргизская степь. Она весьма часто холмиста, и во многихъ мѣстахъ ее пересѣкаютъ по разнымъ направленіямъ довольно большія цѣли горъ. Ближе къ Ташкенту, начиная отъ Туркестана, слѣва отъ дороги, горы принимаютъ все болѣе и болѣе почтенные размѣры.

Въ восьми или девяти верстахъ отъ Ташкента, по дорогѣ въ Ходжентъ, любопытная переправа черезъ быстрый Чирчикъ, который тутъ протекаетъ нѣсколькими рукавами. Переправа производится на арбахъ, на которыхъ усаживаются пассажиры и размѣщается вся кладь; тарантасы же и телѣги перевозятъ пустыми, такъ какъ вода весной и лѣтомъ довольно высока и выше нашихъ европейскихъ колесъ. Одна лошадь тащитъ тяжелую арбу по каменистому дну рѣки безъ всякаго труда, несмотря на чрезвычайную быстроту и силу воды; въ тарантахъ же нашъ, несмотря на то что онъ былъ пустъ и запряженъ тройкой, припрягли двухъ верховыхъ, которыя со стороны теченія придерживали экипажъ веревками. При всемъ этомъ дѣло не обошлось безъ криковъ, до которыхъ Сарты, кажется, большіе охотники. Нѣсколько далѣе другая переправа черезъ рѣчку Ангренъ, который менѣе глу-

ничѣмъ не рискуетъ, такъ какъ перевозъ корреспонденціи одинъ оплатитъ всѣ расходы.

бокъ и быстръ чѣмъ Чирчикъ, но за то еще шире его. Послѣ Ангрена, мѣстность становится снова пустынною, но ей придаютъ много красоты высокія каменистыя горы, которыя тянутся слѣва отъ дороги.

Ходжентъ, по моему, послѣ Самарканда самый красивый городъ изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ Туркестанскомъ краѣ. Онъ расположенъ на самомъ берегу Сыръ-Дарьи, и весь въ садахъ; съ боку, на крутомъ утесѣ лѣвится цитадель; у подножія ея, — церковь, госпиталь, казармы; по фасаду послѣднихъ двухъ зданій тянется на берегу рѣки аллея тутовыхъ деревьевъ. Черезъ рѣку высокія, каменистыя горы, безъ малѣйшаго признака растительности, чрезвычайно эффектны по разнообразію и измѣнчивости красокъ и оттѣнковъ которыми онѣ одѣваются въ продолженіи дня и особенно на закатѣ солнца. Пробывъ около полутора сутокъ въ Ходжентѣ, мы его оставили въ субботу вечеромъ, 9го мая сего года, въ 11 часовъ. Приходилось отвѣдать чисто азіятскаго способа путешествія: пожитки наши мы отправили на двухъ арбахъ, а сами двинулись вслѣдъ верхомъ. По совѣту нашихъ ходжентскихъ знакомыхъ, мы рѣшились ѣхать ночью, чтобъ избѣгнуть жары.

До перваго коканскаго селенія считаютъ 35 верстъ, но я увѣренъ что ихъ болѣе сорока. Только въ шестомъ часу утра добрались мы до этого желаннаго Каракше-Кумъ, гдѣ по общанію коканскаго посланника въ Ташкентѣ, почтеннаго Мурзы-Хакима, насъ долженъ былъ ожидать проводникъ. Дѣйствительность превзошла наши ожиданія. Въмѣсто одного скромнаго проводника, оказалось цѣлыхъ три. Это были джигиты *мехтара* (такъ называется министръ финансовъ, или скорѣе главный таможенный начальникъ въ Коканѣ), присланные чтобы проводить насъ до Кокана. Только мы слѣзли съ лошадей, насъ тотчасъ проводили въ караванъ-сарай, вѣрнѣе сказать въ садъ караванъ-сарая. На обширной площадкѣ, окруженной высокими деревьями, около небольшого пруда, были разостланы ковры и войлоки. Съ истиннымъ наслажденіемъ, весьма понятнымъ послѣ свыше шестичасовой верховой ѣзды, расположились мы на коврахъ, съ намѣреніемъ напиться чаю и потомъ отдохнуть. Не тутъ-то было: пришлось вести бесѣду. Присланные джигиты разложили предъ нами на подносахъ всякія сласти: сахаръ, леденецъ, изюмъ, сухой урюкъ (абрикось), орѣхи, фисташки и цѣлую груду лшеничныхъ плоскихъ лепешекъ, за-

мѣняющихъ хлѣбъ въ Средней Азіи и во всей Киргизской степи. „Угощеніе мехтара“, приговаривали они всѣ, и убѣдительно просили хоть отвѣдать. Такой лестный пріемъ, хотя несомнѣнъ своевременный, заставилъ меня усумниться точно ли меня ждали они, и я поручилъ нашему переводчику объясниться съ любезными коканскими чиновниками. Оказалось что дѣйствительно я виновникъ торжества. Рекомендація Мурзы-Хакима была одна причиной всѣхъ любезностей. Послѣ сластей подали чай, которому мы несказанно обрадовались. При этомъ всѣ три джигита, а съ ними и мѣстный таможенный начальникъ, съдой старикъ съ весьма бойкими манерами, усѣлись на корточкахъ предъ нами и принялись улаживать нашу усталость крайне любезнымъ разговоромъ, который не могъ насъ заставить забыть бессонную ночь, проведенную въ сѣдлѣ. Я рѣшился попросить все общество удалиться, такъ какъ мы намѣревались уснуть. Таможенный начальникъ убѣдительно просилъ немного подождать, увѣрялъ что сейчасъ будетъ готовъ супъ съ курицей; но я узналъ уже по опыту что сартскій „хазыръ“ и русскій „сейчасъ“ одинаково длинны, притомъ тотчасъ послѣ чаю, рано утромъ, ѣсть супъ, даже съ курицей, не казалось мнѣ достаточною причиной чтобы отдалить время отдыха, въ которомъ мы чувствовали настоящую необходимость.

Отъ Каракше-Кумъ до Канъ-Вадама, слѣдующей станціи, считается четыре таша, то-есть 32 версты. Коканскій ташъ равенъ 12.000 шагамъ, или восьми верстамъ. Мнѣ опять показалось что ихъ въ дѣйствительности гораздо болѣе. Выѣхали мы въ половинѣ двѣнадцатаго и пріѣхали на мѣсто въ 6 часовъ, ѣхали мы безостановочно и нѣкоторую часть перергона слѣдали на рысяхъ. Таша, * какъ намъ говорили, были измѣрены очень давно. Весьма легко можетъ быть что при этомъ и несомнѣнъ вѣрно.

Дорога отъ Каракше-Кумъ сначала пролегаетъ по отлично воздѣланнымъ полямъ, на которыхъ ячмень и пшеница совершенно выколосились. Клеверъ былъ еще выше Ташкентскаго. Всѣ Русскіе въ Ташкентѣ называютъ это растеніе клеверомъ (по-кокански юнгуручка), хотя онъ мало похожъ на то что

* Таша значитъ собственно камень. На разстояніи восьми верстъ, при измѣреніи, ставились камни, которые теперь почти совершенно исчезли на этой дорогѣ. Я видѣлъ только одинъ.

называется этимъ именемъ въ Россіи и въ Европѣ. Листъ похожъ, но растеніе достигаетъ иногда болѣе аршина высоты и имѣетъ лиловые цвѣты. Его косятъ до трехъ разъ, иногда и болѣе, въ продолженіи лѣта, связываютъ въ снопы, и въ этомъ видѣ продаютъ на базарахъ на кормъ лошадей. Въ Коканѣ за 25 сноповъ платили мы по кокану, то-есть по 20 коп.; но туземцы намъ говорили что это чрезвычайно высокая цѣна. Кстати сказать о томъ какъ на дорогѣ кормятъ лошадей. Ихъ не разсѣдываютъ во всю дорогу, и въ продолженіи дня, какъ бы ни былъ тяжелъ и великъ переходъ, — имъ кромѣ клевера ничего не даютъ. Только къ вечеру, скорѣе къ ночи, часа два или болѣе послѣ пріѣзда, задаютъ имъ ячменю, не болѣе десяти фунтовъ на лошадь, поятъ же большею частью на ходу, во время пути.

Проѣхавъ версты десять полями, мы выѣхали въ безлѣсную и безплодную степь, которая направо замыкалась цѣлью высокихъ горъ; дорога идетъ вдоль Сыръ-Дарьи, отдаляясь отъ нея вправо. Ближе къ рѣкѣ и по теченію впадающихъ въ нее горныхъ ручьевъ, роскошная растительность, поля, сады, деревни; между этими оазисами пустыня, кое-гдѣ покрытая тощею и жесткою травой. Вообще въ Средней Азіи растительность возможна только тамъ гдѣ проведены водопроводныя каналы (или, какъ ихъ здѣсь называютъ, арыки) орошающія землю. Безъ орошенія не только поля, но никакія деревья не могутъ существовать подъ жгучимъ солнцемъ центральной Азіи. Засохъ арыкъ, и вмѣсто роскошнаго сада въ одинъ годъ дѣлается пустынная степь. Коканское ханство, въ настоящихъ своихъ границахъ, занимаетъ долину верховья Сыръ-Дарьи, долину сначала весьма широкую, но которая къ востоку постепенно суживается и поднимается между двумя цѣпями горъ, которыя, по моему, отроги Тіен-Шанскаго хребта. Сама Сыръ-Дарья могла бы служить очень легко для орошенія, такъ какъ паденіе ея, судя по теченію, весьма большое; но ею на сей предметъ, сколько я могъ узнать, пользуются только при самомъ ея началѣ, и то изъ нея, какъ я слышалъ, выходятъ всего два арыка; въ общемъ она служитъ только главнымъ стокомъ водопроводныхъ канавъ ханства. Орошеніе исключительно производится горными ручьями впадающими въ Сыръ-Дарью. При самомъ ихъ выходѣ съ горъ, эти ручьи заключаются лотинами въ большіе арыки, изъ которыхъ вода распредѣляется потомъ, посредствомъ все умень-

шающихся въ размѣрѣ канавъ, по полямъ. Несмотря на такое ограниченное пользованіе природными средствами, существующая система арыковъ, слѣдовательно и орошенія, свѣдѣтельствуешь въ нѣкоторой степени о предприимчивости и трудолюбіи жителей; впрочемъ не одно трудолюбіе необходимо для проведенія этихъ живительныхъ артерій, тутъ требовалась не малая доля соображенія, даже знанія. Нынѣшній ханъ строитъ уже два года, къ сѣверо-востоку отъ Кокана, большой арыкъ, который долженъ быть оконченъ въ нынѣшнемъ году. На немъ, насъ увѣряли, работаютъ до десяти тысячъ человѣкъ. Цифра пожалуй и преувеличенная, но главное то что съ проведеніемъ этого новаго арыка нѣсколько тысячъ десятинъ слѣдуются способными къ хлѣбопашеству, а слѣдовательно и къ заселенію.

Мы не болѣе одного таша вѣхали степью, и повернули къ Сыръ-Дарьѣ. Снова дорога пошла извиваться между полями окаймленными по межицамъ фруктовыми деревьями, тутомъ и тополями. Поминутно приходилось переходить чрезъ крупные и мелкіе арыки, по которымъ струилась мутная вода. Хотя мы вѣхали по большой арбенной дорогѣ, но только на большихъ арыкахъ встрѣчали мы мосты; на мелкихъ же только посрединѣ бывали перекладыны въ полъаршина ширины. Таковыя перекладыны совершенно достаточны для прохода двухколесныхъ арбъ. Арбы запряжены всегда въ одну лошадь, только для нея и требуется мостокъ, а для громадныхъ и рѣдко вполнѣ круглыхъ колесъ арбы всѣ канавы ни по чемъ.

Въ Канъ-Вадамъ насъ ожидалъ такой же почетный пріемъ какъ и въ Каракше-Кумъ. На этотъ разъ было двойное угощеніе: отъ сопровождавшихъ насъ джигитовъ и отъ хозяина дома въ которомъ мы остановились; послѣднее, начавшееся съ обычныхъ сластей, окончилось пилавомъ съ бараньею колбасой. Особенно конфузило насъ то что, несмотря на всѣ наши просьбы, убѣжденія и старанія, ни за что не брали съ насъ денегъ. Таможенный начальникъ Каракше-Кума, уѣхавшій также съ нами и знавшій нѣсколько словъ по-русски, дополнилъ отказъ въ пріемѣ денегъ, переданный намъ нашимъ переводчикомъ, словами: „Гость, хорошій человѣкъ, ханъ очень любить.“ Оказалось что мы находились на полномъ содержаніи его высокостепенства, хана коканскаго Худояра. Приходилось подчиниться сему несовсѣмъ пріятному положенію.

Домъ въ которомъ мы остановились, или, лучше сказать,

дворъ, имѣлъ на одной своей сторонѣ обширную, крытую террасу, на которой мы и расположились: въ одномъ углу мы, по срединѣ джигиты и съ ними какіе-то мѣстные жители, да и наши люди. На дворѣ были привязаны наши лошади, треть которыхъ были жеребцы, и потому постоянное ржаніе, топотъ, беспорядки, а потомъ крики людей, вводившихъ порядокъ между ними; затѣмъ тишина, но не надолго. Стемнѣло, мелкій дождикъ лѣниво накрапывалъ, то и дѣло переставая; было тихо и темно. На террасѣ зажгли свѣчи, которыя ярко освѣщали только сосѣднія группы сидящихъ и лежащихъ, оставляя въ темнотѣ большую часть зданія; громадный самоваръ шумѣлъ непрестанно, благодаря стараніямъ двухъ рабочихъ, Коканцевъ, которые безотлучно сидѣли на короточкахъ возлѣ него; посрединѣ двора протекалъ небольшой арыкъ, и въ немъ неугомонно трещали лягушки. Все вмѣстѣ составляло довольно оригинальную картину. Лежа на коврѣ и смотря на группу джигитовъ и съ ними сидѣвшихъ Коканцевъ, я вполне убѣдился въ справедливости того что говоритъ Пашинъ о Сартахъ въ своей книгѣ: *Русскіе въ Туркестанѣ въ 1866 году*. Онъ совершенно правъ и относительно Коканцевъ, которыхъ впрочемъ также называютъ Сартами. Они выпиваютъ баснословное количество чаю, и при этомъ имъ совершенно все равно съ сахаромъ или безъ сахара, крѣпокъ ли чай или слабъ; чаепитіе продолжается безостановочно цѣлые вечера, съ дополненіемъ нескончаемыхъ разговоровъ. Вообще въ Средней Азіи пьютъ зеленый чай, также и въ Коканѣ, гдѣ онъ готовится въ высокихъ мѣдныхъ чайникахъ весьма красивой формы, и потомъ разливается въ круглыя фарфоровыя китайскія чашки. Большею частью каждый имѣетъ свою чашку, и она ему служитъ для всего. Пилавъ, который ѣли джигиты и ихъ знакомые, былъ только небольшою остановкой въ чаепитіи, которое, по окончаніи его, снова продолжалось вмѣстѣ съ разговорами, и я заснулъ не видавъ ему конца. Способъ ѣсть пилавъ довольно оригиналенъ, и надо замѣтить что онъ одинаково употребляется всѣми классами жителей не только Кокана, но и всей центральной Азіи. Пилавъ—это вареный рисъ, приправленный бараньимъ жиромъ, лукомъ и рубленою морковью; онъ подается на большомъ блюдѣ и составляетъ гору риса, на верху которой три или четыре большихъ куска баранины. Это превкусное блюдо, которое требуетъ не мало искусства для хорошаго его приготовления.

Въ Коканѣ, и особенно въ Бухарѣ, есть особые повара, которые исключительно занимаются приготовленіемъ пилавъ и носятъ названіе пилаучи. Блюдо ставятъ на салфетку, посреди сидящихъ вокругъ на коврѣ. Старшій изъ общества вынимаетъ свой ножъ, который у Сартовъ, какъ и у Киргизъ, всегда болтается въ футлярѣ, привѣшанный слѣва къ поясу, и начинаетъ рѣзать баранину на мелкіе куски. Этотъ разъ съдой таможенный чиновникъ рѣзалъ мясо; по окончаніи имъ сего дѣла, всѣ съ разныхъ сторонъ принялись руками за пилавъ. Тогда происходитъ слѣдующимъ образомъ: берется пальцами правой руки кусокъ баранины, обертывается щепоткой риса, нѣсколько сжимается и потомъ подносится ко рту; послѣ нѣсколькихъ глотковъ, считается приличнымъ обсосать бывшіе въ дѣлѣ пальцы,—потомъ снова. Вся эта операція производится чрезвычайно ловко, такъ что на салфеткѣ и вокругъ, на коврѣ, почти нѣтъ разбросанныхъ зеренъ рису. Меня поразилъ демократическій характеръ азиатскаго общества, слуги, конюха и самъ пилаучи сѣли около тѣхъ лицъ которымъ только-что служили и съ ними вмѣстѣ принялись уничтожать пилавъ. Дальнѣйшее мое пребываніе въ Коканѣ и Туркестанѣ окончательно убѣдило меня въ отсутствіи различій по классамъ въ тѣхъ странахъ.

На разсвѣтѣ мы выѣхали изъ Канъ-Вадама, и въ 9 часовъ утра пріѣхали въ Бишъ-Арыкъ, въ которомъ засгали на улицахъ много народу, по случаю базарнаго дня. Опять тотъ же пріемъ, тѣ же сласти, чай, пилавъ, какъ и прежде. Вся разница состояла въ томъ что вмѣсто террасы мы расположились въ двухъ обширныхъ комнатахъ, которыхъ все убранство состояло въ разноцвѣтныхъ и разнообразныхъ коврахъ, постланныхъ на полу. Все утро шелъ дождь и было довольно свѣжо; по этому случаю большую часть перехода мы сдѣлали рысью, что не очень понравилось сопровождавшимъ насъ джигитамъ. Они чрезъ переводчика передали намъ что въ Коканѣ только одни мальчишки ѣздятъ скоро, взрослые же люди, и особенно таксыры, то-есть большіе люди, ѣздятъ шагомъ, всегда тихо. Я отвѣчалъ что будучи Русскимъ, слѣдую русскимъ, а не коканскимъ обычаямъ. Притомъ я предложилъ чтобъ одинъ изъ нихъ только сопровождалъ насъ, а другіе могутъ отстать и ѣхать какъ имъ заблагоразсудится. Джигиты въ одинъ голосъ заявили что рассказали о своемъ обычаѣ, такъ какъ видѣли что я все спрашиваю и все желаю знать,

но ничуть не съ тѣмъ чтобы помѣшать мнѣ ѣхать какъ мнѣ угодно. Напротивъ имъ очень пріятно ѣхать скоро, особенно если это мнѣ доставляетъ удовольствіе. Пошли самыя убѣдительныя завѣренія готовности мнѣ услужить, причемъ одинъ изъ джигитовъ пронесся маршъ-маршемъ впередъ, и также вернулся, чтобы доказать на дѣлѣ свои слова.

Въ Коканѣ единственный для мушкетъ принятый способъ передвиженія, это верховая лошадь; на арбахъ ѣздить только женщины, самъ же арба-кашъ, то-есть кучеръ, управляетъ своимъ экипажемъ, сидя верхомъ на коренной. При этомъ особенно цѣнятся лошади съ хорошимъ и быстрымъ шагомъ; это нѣчто среднее между шагомъ и иноходью, аллюръ чрезвычайно покойный и которымъ легко, не утомляясь, дѣлаютъ отъ семи до восьми верстъ въ часъ. Въ Ташкентѣ меня даже увѣрили будто у генераль-губернатора есть лошадь дѣлающая шагомъ до пятнадцати верстъ въ часъ. Хотя это свѣдѣніе идетъ и изъ русскаго источника, однако, очевидно имѣетъ характеръ преувеличеній дальняго Востока. Сѣдла Коканцевъ формой мало отличаются отъ бухарскихъ, всего болѣе употребляемыхъ въ русскомъ Туркестанѣ и весьма вѣрно описанныхъ г. Пашино въ его книгѣ, посему и не распространяюсь о нихъ. Кстати опишу вкратцѣ одежду Коканцевъ. Главное въ ней—халатъ, одинаково употребляемый всѣми классами жителей; впрочемъ есть нѣкоторыя различія. Лѣтомъ бѣдные люди, работники, также и дѣти носятъ только рубашку и панталоны изъ туземной хлопчато-бумажной матеріи, большую частью бѣлаго цвѣта. Рубашка формой похожа на наши женскія, оставляющія плечи не покрытыми. Не разъ случалось мнѣ видѣть работающихъ въ полѣ людей въ однихъ панталонахъ, а дѣтей, въ деревняхъ и въ самомъ Коканѣ, совершенно голыми. Люди достаточные носятъ рубашки ситцевыя, цвѣтныя, съ большимъ воротникомъ и съ непомерно длинными рукавами. Сверхъ надѣвается ситцевый цвѣтной халатъ, почти всегда яркихъ цвѣтовъ и который согласно времени года бываетъ или легкій или на ватѣ. Халатъ подпоясывается цѣлымъ кускомъ бумажной матеріи нѣсколько разъ обвивающимъ станъ. Въ складкахъ этого пояса помѣщается всякая всячина: деньги, чашка, лузырекъ съ нюхательнымъ табакомъ, который Коканцы кладутъ постоянно въ ротъ, подъ языкъ, и потомъ выплевываютъ; конецъ пояса служитъ носовымъ платкомъ, полотенцемъ при ежедневныхъ частыхъ омовеніяхъ, предписанныхъ закономъ;

наконечъ салфеткой—при ѣдѣ пилава. Если къ этому прибавить маленькую, расшитую шелками тибетейку (по-кокански дуне) на бритой головѣ, то это будетъ одѣяніе достаточнаго Коканца у себя дома; но чтобы выйти на улицу, сверхъ надѣтаго халата надѣвается нараспашку другой, а на голову чалма, большею частью бѣлая. Это одежда не только средняя, но и высшаго класса коканскихъ жителей. Обыкновенно верхній халатъ изъ полшелковой, весьма однако дешевой матеріи. Сопровождавшіе насъ джигиты надѣвали на дорогу широкіе кожаные шаравары, въ которые довольно искусно запрягивали полы своихъ двухъ халатовъ, и кромѣ этого сверхъ, нараспашку, надѣвали третій. Это всеобщій дорожный костюмъ въ дальнюю дорогу. Хотя верхніе халаты большею частью одноцвѣтные, но иногда бываютъ они и яркихъ цвѣтовъ; сѣдой таможенный чиновникъ, напримѣръ, носилъ халатъ изъ свѣтло-зеленаго ситца, съ мелкими розанами,—очевидно произведеніе русскихъ фабрикъ, предназначавшееся по всему вѣроятію для мебели. Сначала яркость красокъ и причудливость рисунковъ въ одеждѣ встрѣчаемыхъ по дорогѣ меня поражала, но потомъ скоро глазъ привыкъ.

Всѣ женщины которыхъ я видѣлъ по дорогѣ и въ Коканѣ были одѣты одинаково, въ длинный халатъ, изъ дикой, голубоватой матеріи, надѣтый на голову, съ длинными рукавами, ладающими назадъ чуть не до земли; изъ-подъ халата виситъ на лицѣ черный вуаль изъ конскаго волоса, сквозь который рѣшительно нѣтъ никакой возможности разглядѣть черты лица. Вся разница въ большей или меньшей свѣжести халата и въ обуви. Въ Коканѣ мнѣ случилось видѣть подъ слегка приподнятымъ халатомъ розовые или ярко-красные шаравары, ладающіе на красивый зеленый башмачокъ, со вздернутымъ кверху мыскомъ. Это бывало рѣдко и только въ отдаленныхъ, пустыхъ улицахъ; на главныхъ же и на базарѣ, женщины при видѣ насъ съ афектаціей сторонились, и многія обращались къ намъ спиной.

Отъ Бишъ-Арыка до Кокана считается три съ половиной таша; мы ихъ сдѣлали довольно скоро и въ 5 часовъ, вечера подъѣхали къ столицѣ ханства, окруженной со всѣхъ сторонъ зубчатою стѣной, которая сдѣлана изъ комьевъ глины, смѣшанной съ рѣзаною соломой, высушенныхъ сперва немного на солнцѣ. Такъ строятся и всѣ дома въ Коканѣ; приче́мъ сперва дѣлается скелетъ дома изъ тонкихъ бревенъ, преимущественно

тополевыхъ. Послѣ полудня день поправился, и вечеръ былъ великолѣпный, когда мы вѣхали въ ворота города, около которыхъ лежало на войлокѣ челоуѣка три съ толстыми лалками: это городская стража, по одеждѣ впрочемъ ничѣмъ не отличающаяся отъ простаго народа. Города какъ и деревни, не только въ Коканѣ, но и въ русскомъ Туркестанѣ, поражаютъ васъ своимъ однообразіемъ. Вы видите одинъ городъ или одну деревню, вы видите все; я говорю собственно объ улицахъ, базарахъ, однимъ словомъ о внутреннемъ характерѣ города. Разница можетъ быть во вѣншемъ положеніи. За исключеніемъ Самарканда, въ которомъ великолѣпные памятники искусства, всюду вы видите одно и то же: извилистыя улицы тянутся между сплошными глиняными стѣнами, въ которыхъ изрѣдка видѣется низенькая дверь; надъ стѣной мѣстами раскидывается тѣнистое дерево, или выглядываетъ виноградная лоза со своими широкими листьями и курчавыми завитками, вотъ и все. На срединѣ города или деревни крытый базаръ, въ которомъ сосредоточивается вся мѣстная жизнь. Въ открытыхъ лавочкахъ, или скорѣе небольшихъ углубленіяхъ, развѣшанъ незатѣйливый товаръ, и предъ нимъ сидитъ поджавъ ноги или лежитъ на войлокѣ самъ продавецъ; нѣсколько кучекъ прохожихъ, толпа мальчишекъ около продавца холодной воды и, на углу, въ чай-хане, то-есть чайной, собраніе спокойныхъ Кокандцевъ, тихо разговаривающихъ, сидя въ кружокъ съ поджатыми ногами и прихлебывая чай изъ круглыхъ чашекъ; двѣ-три сумрачно укутанныя женщины, точно тѣни пробирающіяся между прохожими, — вотъ картина которую мнѣ не разъ приходилось видѣть не въ одномъ только Коканѣ, но и во всѣхъ мною посѣщенныхъ городахъ. Въ базарные дни, на самомъ базарѣ, жизнь въ полномъ разгарѣ толпы народа, шумъ, постоянное движеніе арбъ и верховыхъ, крики, фырканы привязанныхъ у лавокъ лошадей, пронзительный визгъ верблюдовъ; но все это только на базарѣ, на прочихъ же улицахъ незамѣтно никакой почти разницы сравнительно съ ежедневною будничною жизнью. Въ Коканѣ, въ которомъ болѣе ста тысячъ жителей *, улицы оживленнѣе чѣмъ въ Чимкентѣ, Ход-

* Я остановился на этой цифрѣ, которая мнѣ показалась наиболѣе вѣрной, сличая разнорѣчивыя показанія моихъ коканскихъ знакомыхъ. Вообще же мнѣ говорили что въ Коканѣ вдвое болѣе жите-

жентъ и даже Ташкентъ: я говорю о сартской части послѣдняго; русская только начинаетъ отстраиваться и до сихъ поръ мало еще похожа на городъ; этому оживленію много способствуютъ маленькіе базары, разбросанные по всему городу; но и въ Коканъ, какъ въ вышеупомянутыхъ городахъ, чрезвычайная раскинутость строеній. Каждый домъ окруженъ дворомъ съ садомъ, иногда очень большимъ; нерѣдко попадаются дѣлныя поля по срединѣ домовъ, и потому я очень вѣрю что Коканъ, какъ мы говорили, имѣетъ въ окружности пять ташъ, то-есть 40 верстъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно что Ходжентъ, съ своими 20.000 жителей, имѣетъ 20 верстъ въ окружности.

Едва мы проѣхали съ версту по городу, какъ вдали послышались ружейные выстрѣлы; я спросилъ ѣхавшаго около меня джигита что это значить.

— Ученье нашихъ войскъ, отвѣчалъ онъ съ улыбкой,—они у насъ часто, много учатся.

Чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ стрѣльба усиливалась и слышалась явственнѣе. Джигитъ посматривалъ на меня съ очевиднымъ желаніемъ снова вступить въ разговоръ, но видя мое упорное молчаніе, онъ самъ началъ:

— Не бойтесь, будьте совсѣмъ покойны, это только ученье, сказалъ онъ.

— Я увѣренъ, отвѣчалъ я, — что Русскому во владѣніяхъ хана ни отъ кого никакой обиды не будетъ, и потому ни-сколько не боюсь.

Джигитъ наклонилъ голову и приложилъ руку къ сердцу.

— Можеть-быть вамъ будетъ угодно посмотреть на наши войска? сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія. — Войска славныя, одѣты очень хорошо, пушки, ружья, все есть, много, много.

Несмотря на усталость, я согласился, и мы на рысяхъ поѣхали узенькими переулками; черезъ нѣсколько минутъ мы очутились на довольно обширной площади, одну сторону которой составляло высокое зданіе главнаго коканскаго медресе. На площади было много народа, пришедшаго какъ и мы посмотреть на проходъ войскъ. Мы стали на углу переулка выходящаго на площадь, недалеко отъ чай-хане, въ который

лей чѣмъ въ Ташкентъ, въ коемъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, 74.000 жителей.

забѣгали офицеры и даже солдаты проходящихъ войскъ; тамъ затыгивались кальяномъ и потомъ возвращались во фронтъ.

Сначала шла артиллерія, состоящая изъ маленькихъ пушекъ, везомыхъ вмѣстѣ съ заряднымъ ящикомъ одною лошадыю; послѣ артиллеріи шла пѣхота, вооруженная ружьями разныхъ калибровъ; большинство были фитильныя съ рогатками, но были и кремневая и даже пистонныя. Предъ каждымъ отдѣленіемъ пѣхоты, въ 20, много 30 человекъ, шелъ офицеръ, вооруженный тонкою палкой, называемою калтакъ; около него два, иногда и три музыканта. Музыкальныя орудія состояли изъ большихъ барабановъ, мѣдныхъ роговъ, дудокъ, были даже и волынки. Коканская музыка не отличается ни стройностью, ни гармоничностью; но за то можетъ похвалиться *sui generis* оригинальностью и особенно шумливостью. Войска были одѣты въ суконныя двубортныя сюртуки, съ разноцвѣтными стоячими воротниками; у пѣхоты сюртуки были черныя, а у артиллеріи синіе, у всѣхъ красныя панталоны и остроконечныя суконныя шапки съ мѣховымъ околышемъ. Несмотря на однородность одежды, въ строю оказывалось большое разнообразіе мундировъ, имѣвшихъ претензію быть похожими на европейскіе, но далеко не по-европейски сшитыхъ. Даже самый цвѣтъ одежды былъ далеко не одинаковъ въ малыхъ отдѣленіяхъ которыя проходили мимо насъ. Многіе изъ солдатъ на ходу стрѣляли изъ своихъ ружей. Я спросилъ у джигита что за причина таковой стрѣльбы. „Очень довольны“, отвѣчалъ онъ. Но чѣмъ были такъ довольны коканскіе солдаты, никакъ не могъ я отъ него добиться.

Наша европейская одежда привлекла вниманіе окружавшей насъ публики. Возбужденное нами любопытство имѣло несомнѣнно пріязненный характеръ; но сопровождавшіе насъ три джигита очевидно внушали подобающій страхъ, и мы не слышали ни одного обиднаго слова. Въ Ташкентѣ, въ официальныхъ сферахъ, намъ говорили что пребываніе въ Коканѣ вполне безопасно, и мы можемъ такъ же свободно разгуливать по городу какъ въ самомъ Ташкентѣ. Между торговымъ русскимъ сословіемъ мы слышали совсѣмъ другое; насъ убѣждали иначе не показываться на улицахъ какъ въ халатѣ; при томъ намъ разказывали множество случаевъ гдѣ въ русскихъ прикащиковъ и купцовъ кидали грязью, даже камнями. Во время дороги мы ничего подобнаго не видали, хотя ѣхали одѣтые по-европейски. Я полагаю что эта уступка въ одеждѣ

которую дѣлають русскіе торговцы пріѣзжающіе въ Коканъ, какъ она ни незначительна, совершенно излишняя, тѣмъ болѣе что, какъ это доказывается опытомъ, она ихъ нисколько не ограждаетъ отъ непріятностей всякаго рода. Отчего бы намъ не подражать въ этомъ Англичанамъ, которые всегда, всюду сохраняютъ свою одежду, привычки, даже причуды, и тѣмъ не менѣе это народъ который не только терпится, но даже уважается на Востокъ? Мой зять и я, мы рѣшились не мѣнять своего костюма и остались Европейцами все время что пробыли въ Коканѣ. Сколько я знаю, мы были первые изъ частныхъ лицъ которые такъ поступили. Дай Богъ чтобы нашъ примѣръ нашелъ подражателей.

Всѣ войска прошли, и мы отіравились въ домъ коканскаго посланника въ Ташкентѣ, отданный намъ на все время нашего пребыванія въ Коканѣ. Намъ принялъ крайне любезно братъ посланника, Мурза-Керимъ, и отдалъ въ наше распоряженіе три комнаты, великолѣпно убранныя дорогими персидскими коврами. Намъ было всего болѣе цѣнно и пріятно найти въ отведенныхъ намъ комнатахъ стулья, столы и постели. Съ наслажденіемъ расположились мы въ нашемъ роскошномъ помѣщеніи, которое имѣло такой уютный видъ, особенно пріятный послѣ смиренныхъ номеровъ гостиницы Розенфельда въ Ташкентѣ, и еще болѣе смиренной ходжентской гостиницы. Джигиты распростлились съ нами, хозяинъ удался, и мы остались одни въ нашей хорошенькой квартирѣ. Итакъ въ понедѣльникъ, 11го мая 1870 года, мы окончательно водворились въ Коканѣ, столицѣ Коканскаго ханства.

II.

На другой день нашего пріѣзда, во вторникъ, рано утромъ, явился къ намъ одинъ изъ джигитовъ сопровождавшихъ насъ въ дорогъ, съ поклономъ и порученіемъ отъ мехтара спросить насъ какъ мы отдохнули послѣ нашего путешествія. Я отвѣчалъ что для полнаго нашего отдохновенія недостаетъ только одного: это удовольствія видѣть самого мехтара и имѣть возможность лично поблагодарить его за присылку людей и за радужный пріемъ встрѣченный нами, благодаря его заботливости, повсюду на дорогѣ. „Зная что мехтаръ очень занятъ государственными дѣлами,“ прибавилъ я, „я прошу

его назначить мнѣ время въ которое мое посѣщеніе его всего менѣе обезпочить.“ Посланный уѣхалъ и черезъ полчаса вернулся съ вѣстью что мехтаръ насъ приметъ когда намъ угодно. Я объявилъ что не желаю терять ни минуты, велѣлъ сѣдлатъ лошадей и сталъ одѣваться. Мехтару дали тотчасъ знать, а посланный остался чтобы проводить насъ.

Мой зять и я, во фракахъ, а нашъ переводчикъ, казанскій Татаринъ Султанъ, въ чалмѣ и халатѣ, отправились верхомъ въ офиціальную резиденцію мехтара. Чтобы точнѣе выразиться, это не офиціальная резиденція сего сановника, но мѣсто гдѣ онъ отбываетъ свои служебныя обязанности. Въ углу главнаго базара помѣщается обширный закетъ-сарай, въ которомъ сосредоточенъ сборъ закета, такъ-называемой таможенной пошлины съ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ (большею частью $2\frac{1}{2}\%$ ad valorem). Пошлина собирается чиновниками называемыми закетчи, подъ высшимъ наблюдениемъ мехтара, исполняющаго, кромѣ этого, многія другія порученія хана.

Вѣхавъ на дворъ закетъ-сарая, мы сошли съ лошадей и направились посреди многочисленной толпы къ лѣвой сторонѣ зданія; тамъ были мы введены въ высокую комнату, устланную бѣлыми китайскими войлоками (кошмами) и по стѣнамъ которой были развѣшаны желѣзные кольчуги подбитыя краснымъ сукномъ. Тотчасъ послѣ насъ въ комнату вошелъ мехтаръ, высокій мужчина, лѣтъ пятидесяти, съ длинною, съ просѣью бородой, въ сопровожденіи трехъ лицъ. Одежда мехтара ничѣмъ не отличалась отъ другихъ; пожалъ намъ руку, онъ очень любезно просилъ насъ сѣсть на полъ, прибавляя что знаетъ что намъ трудно сидѣть по-ихнему и потому просить насъ устроиться какъ намъ покойнѣе. Мы сѣли какъ могли у средней стѣны комнаты; направо отъ насъ самъ мехтаръ; далѣе — сопровождавшія его лица; налѣво — нашъ переводчикъ; а въ дверяхъ и у дверей стояла порядочная толпа, разглядывавшая насъ съ большимъ любопытствомъ.

Разговоръ начался изъясненіями благодарности съ нашей стороны, на что мехтаръ отвѣчалъ что онъ только исполнитель приказаній хана, который любитъ Русскихъ и всегда очень доволенъ когда они посѣщаютъ его владѣнія.

Я возразилъ что не только въ Ташкентѣ, но въ Москвѣ и Петербургѣ неоднократно слышалъ что ханъ истинный и вѣрный другъ Русскихъ.

Это заявленіе, казалось, очень понравилось мехтару, и онъ отвѣчалъ что ханъ уже на дѣлѣ доказалъ свою дружбу Россіи. Во время осады Самарканда Шахрисябцами и Бухарцами, хана звали въ союзъ противъ Русскихъ, предлагали ему большія выгоды, но онъ все отвергнулъ, чтобы не нарушить дружбы съ великимъ нашимъ ладишахомъ.

Слова мехтара произвели на меня то же впечатлѣніе что пріемъ въ Каракше-Кумѣ. Уже не принимаютъ ли меня здѣсь, подумалъ я, за нѣчто въ родѣ офиціознаго посла, и я постарался въ своемъ отвѣтѣ ясно показать что пріѣхалъ единственно по торговымъ, моимъ собственнымъ дѣламъ. Въ послѣдствіи оказалось, какъ я уже упоминалъ, всему причиной была рекомендація коканскаго посланника, Мурзы-Хакима, которому г. генераль-губернаторъ самъ говорилъ обо мнѣ. Одно слово туркестанскаго генераль-губернатора имѣеть громадное значеніе не въ одномъ Коканѣ. Это поистинѣ утѣшительно.

— Дружественныя отношенія двухъ сосѣднихъ государствъ, отвѣчалъ я, особенно цѣнны для тѣхъ которые, какъ я, намѣрены заняться торговлей, такъ много способствующею благосостоянію народовъ.

Разговоръ продолжался о пользѣ торговли вообще. Тутъ подали чай и обычныя сласти, которыя мы должны были ѣсть, повинаясь неоднократнымъ просьбамъ хозяина. Исчисливъ всѣ выгоды которыя произойдутъ отъ посѣщеній Кокандами Москвы, Петербурга, Нижняго и другихъ городовъ, а Русскими Кокана, мехтаръ окончилъ свою рѣчь заявленіемъ что какъ отъ хана, такъ и отъ него мы получимъ, въ случаѣ надобности, всякую помощь по нашимъ дѣламъ.

Поблагодаривъ за обѣщаніе, я просилъ мехтара доложить хану что мнѣ очень бы хотѣлось имѣть честь ему представиться и отдать ему самому письмо генераль-губернатора. Онъ отвѣчалъ что ханъ теперь на дачѣ, но на дняхъ вернется въ городъ, и тогда онъ тотчасъ же ему доложить. Послѣ этого обѣщанія я собрался удалиться, но мехтаръ просилъ еще немного посидѣть. Онъ что-то тихо приказалъ одному изъ стоявшихъ поодаль людей, тотъ скрылся и минуты черезъ двѣ въ комнату вошли три человека несшихъ на рукахъ какія-то, какъ мнѣ сначала показалось, матеріи. Вышло что мехтаръ жаловалъ всѣмъ намъ тремъ по халату. Мой зять и я получили одинаковые, полосатые, желтые съ

лиловымъ, а нашъ переводчикъ—темнозеленый; всѣ три были изъ полуселковой матеріи. По здѣшнему обычаю, мы должны были не только тотчасъ надѣть эти халаты, но въ нихъ и отправиться въ обратный путь. Радуюсь что никто изъ Русскихъ не видалъ насъ въ этомъ одѣяніи, а должно-быть было эффектно. Въ большихъ стѣрыхъ шляпахъ съ широкими полями, во фракахъ, а сверхъ въ яркихъ желто-лиловыхъ халатахъ, верхомъ, мы должны были представлять весьма оригинальное зрѣлище.

На другой день, вечеромъ, мы снова отправились къ мехтару, но въ его частное жилище, и этотъ разъ насъ сопровождалъ нашъ хозяинъ, почтенный Мурза-Керимъ. Домъ Мехтара нѣсколько болѣе обыкновеннаго, въ сущности ничѣмъ не отличается отъ прочихъ нами видѣнныхъ: та же простота въ убранствѣ, исключительно состоящемъ изъ ковровъ и войлоковъ, даже потолоки мнѣ показались менѣе роскошно расписанными чѣмъ въ занимаемой нами квартирѣ. Онъ принялъ насъ очень любезно, сначала въ обширной комнатѣ, въ простѣнкахъ которой были трофеи изъ стариннаго оружія. Послѣ краткихъ привѣтствій, мы перешли въ крытую террасу, выходящую, какъ и всѣ комнаты, на большой дворъ. Когда мы окончательно усѣлись, я съ удивленіемъ замѣтилъ что мехтаръ былъ босикомъ, и точно такъ же какъ и всѣ Коканцы, онъ во время разговора непрестанно почесывалъ свои голыя ноги, сидя по-турецки на коврѣ. Въ Коканѣ, какъ и во всемъ Востокѣ, скидаютъ башмаки, или скорѣе туфли, при входѣ въ комнату и оставляютъ ихъ у порога. Лѣтомъ носить туфли большею частію на босу ногу; если же ходятъ въ сапогахъ, то на нихъ всегда надѣваются калоши, которыя оставляются вмѣсто туфель при входѣ въ комнату. Какъ туфли, такъ и калоши носятъ одно названіе—кауши.

Мехтаръ объявилъ намъ что ханъ очень доволенъ нашимъ пріѣздомъ и въ скоромъ времени насъ приметъ, причемъ снова повторилъ тѣ же заявленія пріязни хана къ Русскимъ; мы, какъ водится, благодарили. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ разговорѣ я разказалъ что цѣль моего пріѣзда—выводъ съ меня шелковичныхъ червей, и замѣтилъ что если мнѣ удастся выгодно повести все дѣло, то надѣюсь, моему примѣру въ будущее время послѣдуютъ многіе, что, я увѣренъ, будетъ не безвыгодно для края.

Мехтаръ возразилъ что препятствій со стороны его и ко-

канскаго правительства не будетъ. Если теперь вообще приняты нѣкоторыя мѣры противъ этого производства, то по совѣту генераль-губернатора, каждое слово, каждое желаніе котораго для нихъ весьма цѣнно. Если вы пріѣдете въ будущемъ году, прибавилъ онъ, и съ такимъ же письмомъ отъ генераль-губернатора какъ нынѣ, то будьте увѣрены въ полномъ нашемъ содѣйствіи. Что же касается до другихъ Русскихъ, то пріемъ ихъ будетъ зависѣть отъ ихъ же начальства.

Я продолжалъ объяснять всю пользу для края отъ улучшенія червеводства, которое неминуемо будетъ слѣдствіемъ вывода сѣмени специалистами, знающими это дѣло. Отъ этого улучшенія улучшится и самое качество шелка, который будетъ продаваться непременно гораздо дороже чѣмъ теперь.

— У насъ, возразилъ мехтаръ, — шелководство существуетъ съ незапамятныхъ временъ; никакихъ улучшеній мы не дѣлали, не искали, и оно все же, благодаря Бога, существуетъ.

— Однако, отвѣчалъ я, — ясно представляется возможность продавать дороже производимый вами товаръ: не есть ли это очевидная польза края? Вашъ шелкъ-сырецъ стоить на мѣстѣ теперь не болѣе 190 рублей пудъ; въ Москвѣ 225 и до 230 руб. Если же съ улучшеніемъ червеводства вы достигнете того что будете его продавать вдвое дороже, край отъ этого много выиграетъ.

— Да, это будетъ выгодно, спокойно отвѣчалъ мехтаръ, — но намъ нѣтъ надобности въ этихъ выгодахъ. Наши дѣды и отцы жили, и жили счастливо безъ нихъ, и намъ надо стараться имъ подражать. Впрочемъ, съ живостію прибавилъ онъ, — вы нашъ гость, гость хана; пошли вамъ Богъ успѣха въ вашихъ дѣлахъ. Съ нашей стороны мы все что можемъ сдѣлаемъ, чтобы вамъ помочь и облегчить ваше предпріятіе.

Сказавъ это, мехтаръ извинился предъ нами и ушелъ. Мурза-Керимъ (который немного говорилъ по-русски) намъ объяснилъ что мехтаръ пошелъ молиться, поручивъ ему и еще одному чиновнику занимать насъ и стараться чтобы намъ не было скучно. Пять разъ въ день молятся Коканцы. Часто у насъ, на квартирѣ, соберутся вечеромъ четыре, пять чело-вѣкъ, разговариваютъ, пьютъ чай; какъ только придетъ положенный часъ, всѣ встаютъ, надѣваютъ чалмы, разложатъ гдѣ-нибудь на дворѣ коверъ, станутъ всѣ рядышкомъ, обратясь къ юго-западу, и точно въ тактъ, съ удивительнымъ ensemble начнутъ класть земные поклоны. Съ глазу на глазъ

они, какъ я могъ неоднократно убѣдиться, далеко не такъ богомольны; но при другихъ, особенно своихъ, они строго исполняютъ всѣ обряды своей вѣры. Въ Бухарѣ, говорятъ, еще строже: тамъ лалками посылаютъ народъ на молитву.

По возвращеніи мехтара тотчасъ подали на нѣсколькихъ тарелкахъ жареную баранину, приправленную перцемъ и лукомъ и разрѣзанную на маленькіе куски (это называется курма). Несмотря на то что блюдо это явилось послѣ всякихъ сладостей и чаю, мы нашли его весьма вкуснымъ, что очень понравилось почтенному хозяину, съ улыбкой повторившему нѣсколько разъ сказанное мною татарское слово якши (хорошъ, хорошо). Угощеніе, какъ водится, окончилось пилавомъ, котораго мы, несмотря на всѣ старанія, не могли съѣсть болѣе одной ложки. Самъ мехтаръ, Мурза-Керимъ и нѣсколько чело-вѣкъ чиновниковъ, сидѣвшихъ поодаль, принялись за національное блюдо какъ истые Коканцы, руками; ложки были даны только для насъ двоихъ. Одинъ изъ чиновниковъ особенно граціозно обсасывалъ свои пальцы чуть ли не послѣ каждаго приема рису. Этотъ визитъ, какъ и предыдущій, окончился подаркомъ халатовъ, и что всего конфузнѣе, кромѣ халатовъ, мы получили въ оба визита по двѣ головы сахару. Одно было утѣшеніе: сахаръ русскаго происхожденія. На оберточной бумагѣ было явственно отпечатано: „Сокольники. М. И. Борисовской“.

Въ продолженіе первыхъ трехъ дней нашего пребыванія въ Коканѣ, у насъ завелось порядочное количество знакомыхъ, которые часто, особенно вечеромъ, собирались у насъ. Между ними интереснѣе всѣхъ было двое: часовщикъ хана, Аширъ-Ходжа, нашъ ближайшій сосѣдъ и бывшій переводчикъ, а вмѣстѣ и докторъ хана, Асадъ-Улла, родомъ Черкесь, очень порядочно говорившій по-русски. Послѣдній впрочемъ скоро долженъ былъ оставить Коканъ и отправиться въ Маргеланъ, гдѣ онъ находился при путешествующемъ по ханству часовыхъ дѣлъ мастерѣ, Вагнерѣ, кажется прикащикѣ швейцарскаго дома Мозеръ и К°. Этотъ Вагнеръ, какъ мы разказывали, очень понравился хану, большому любителю часовъ и вообще механики, живетъ уже болѣе года въ Коканѣ и нынѣ отправился со своимъ товаромъ въ другіе города ханства. Аширъ-Ходжа, часовщикъ-самоучка, благодаря своему таланту пользуется большимъ расположеніемъ хана, во дворцѣ котораго имѣетъ свою мастерскую, гдѣ часто занимается ис-

правленіемъ часовъ подѣ наблюденіемъ самого владыки Кокана. Эти занятія приносятъ ему не малую выгоду; не говоря уже о частыхъ подаркахъ, недавно онъ получилъ садъ около Андиджана, который сдалъ въ аренду за семьсотъ тиллей въ годъ. Коканская тилля равна 3 р. 80 к. Несмотря на свое приближенное положеніе ко двору, онъ очень просто себя держитъ и скорѣе бѣдно одѣвается. Очень часто онъ у насъ сидѣлъ босой и въ одномъ ситцевомъ темномъ халатѣ. Его-то я болѣе всѣхъ другихъ разспрашивалъ о жизни хана. Вотъ вкратцѣ день его высокостепенства,—таковъ офиціальнѣйшій титулъ хана, признанный русскимъ правительствомъ.

Утромъ въ 5 часовъ происходитъ въ урдѣ, то-есть во дворцѣ, всеобщій пріемъ всѣхъ чиновниковъ занимающихъ наиболѣе видныя мѣста. Таковыхъ Аширъ-Ходжа насчиталъ въ одномъ Коканѣ около ста (не ручаюсь за вѣрность цифры). Кромѣ чиновниковъ пріѣзжаютъ всѣ придворные и также начальственные лица другихъ мѣстъ ханства, пріѣхавшія по какой-либо причинѣ. Пріемъ называется саламъ, и онъ, говорятъ, былъ очень блестящъ, когда на немъ появлялись киргизскіе и киргизъ-кипчакскіе бѣи, въ то время когда восточная часть Киргизской степи, составляющая нынѣ всю Семирѣчинскую область и часть Сыръ-Дарьинской, зависѣла отъ Кокана. Послѣ салама, ханъ принимаетъ по очереди своихъ министровъ, если такъ только возможно выразиться. Предѣлы власти высшихъ чиновниковъ и ихъ обязанности весьма не точно разграничены; ханъ слушаетъ ихъ докладъ, рѣшаетъ дѣла и подписываетъ бумаги, то-есть прикладываетъ по обычаю свою печать. По окончаніи доклада, опредѣленный адъос чиновникъ принимаетъ просителей, всѣхъ безъ исключенія, отбираетъ у нихъ просьбы и докладываетъ ихъ хану, который тутъ же разрѣшаетъ или отказываетъ; причемъ нерѣдко вызываетъ самого просителя для объясненій; затѣмъ до вечера, онъ удаляется въ гаремъ. Вечеръ назначается на прочтеніе писемъ изъ другихъ провинцій ханства.

Въ четвергъ вечеромъ, 14го мая, было уже темно, и мы пили чай на террасѣ, какъ явился посланный отъ мехтара съ извѣщеніемъ что завтра, въ 5 часовъ утра, ханъ приметъ насъ въ продолженіе салама. Посланный прибавилъ что къ опредѣленному часу пріѣдетъ за нами чиновникъ, который насъ проводить. Сидѣвшій у насъ въ это время Аширъ-Ходжа объяснилъ что намъ дѣлаютъ большой почетъ такимъ ско-

рымъ пріемомъ. Вы всего три дня въ Коканѣ, и вамъ уже назначена аудіенція,—этого никогда, ни для какого иностранца еще не было сдѣлано, прибавилъ съ особымъ удареніемъ нашъ почтенный сосѣдь. Мы воспользовались его присутствіемъ чтобы просить его совѣта какъ поступить съ подарками которые желали представить его высокостепенству. Аширъ-Ходжа пожелалъ ихъ видѣть, и тотчасъ началась распаковка вещей. Надо сказать что мы думали заняться выводомъ сѣмени шелковичныхъ червей въ русскомъ Туркестанѣ, и только вслѣдствіе независящихъ отъ насъ обстоятельствъ принуждены были отправиться для этого дѣла въ Коканѣ. Необходимо было везти подарки хану; таковъ обычай на Востокѣ, и поневолѣ мы накупили въ ташкентскихъ магазинахъ всякую всячину, платя за нее въ тридорога, въ полной радости что нашли хоть что-нибудь; иначе пришлось бы явиться съ пустыми руками. Аширъ-Ходжа смотрѣлъ на вещи не совсѣмъ утѣшительно; мы объяснили ему въ чемъ дѣло и почему показанныя ему вещи такъ не соотвѣтственны ихъ назначенію.

— Я объясню кому слѣдуетъ, съ серіозной задушевностью возразилъ Аширъ-Ходжа.—Притомъ нашъ ханъ не смотритъ на подарки, а на того который ихъ представляетъ, и потому будьте спокойны, онъ ихъ приметъ съ удовольствіемъ, какъ доказательство вашего желанія ему угодить.

Несмотря на утѣшенія, какъ-то конфузно было, смотря на мелкія вещицы изъ которыхъ состояли наши подарки, и это тѣмъ болѣе что въ Коканѣ мы узнали что г. Адамоли, повѣренный московскаго торговаго дома Штукенъ и Шписъ, также какъ и мы пріѣхавшій для вывода сѣмени, поднесъ хану весьма дорогія и цѣнныя вещи. Аширъ-Ходжа не переставалъ насъ успокоивать, повторяя нѣсколько разъ по-русски: „Ханъ васъ любитъ; любить Русскій; Адамоли Русскій йокъ.“ *

Въ пятницу утромъ, я еще не былъ совершенно одѣтъ, какъ явился чиновникъ долженствовавшій насъ проводить до дворца. Мы послѣдили подать ему чаю и, проглотивъ всѣ по стакану, сѣли уже на лошадей, какъ прискакалъ нашъ пріятель Аширъ-Ходжа и именемъ хана намъ объявилъ что еще рано и что мы можемъ свободно напиться чаю. Пока разносили стаканы, онъ таинственно мнѣ объявилъ что подарки будутъ приняты хорошо. Последнее слово было повторено нѣсколько разъ по-русски, съ добродушнѣйшею улыбкой.

* Йокъ по-сартски—нѣтъ.

Наконецъ мы отправились всѣ верхомъ: впереди ѣхалъ одинъ изъ слугъ нашего хозяина, за нимъ чиновникъ, потомъ мой зять и я сопровождаемые Аширъ-Ходжею; шествіе замыкали переводчикъ и нашъ прикащикъ, оренбургскій татаринъ, Абдеррахманъ, могущій также служить за переводчика. Оба везли въ салфеткахъ наши злополучные подарки.

До дворца отъ насъ было недалеко, и проѣхавъ не болѣе пяти минутъ, мы вдаль слышали ружейные выстрѣлы и не совсѣмъ гармоническіе звуки коканскихъ трубъ.—Что это такое? спросилъ я.

—Ничего, съ притворнымъ равнодушіемъ отвѣчалъ Аширъ-Ходжа:—ханскія войска учатся на дворцовой площади. Это часто бываетъ, чуть не каждый день.

Дворецъ выходитъ только одними своими воротами на площадь. Они состоятъ изъ высокой башни съ двумя маленькими башенками очень красивой формы, по одной съ каждой стороны, по фасаду; сзади прислоненъ раздавленный куполъ, коего только одинъ верхъ виденъ съ площади. Громадная стрѣльчатая дверь занимаетъ всю средину зданія, служащаго также и казармами для нѣкоторой части войскъ. Названіе урда вмѣстѣ значить и дворецъ, и крѣпость. Отъ этихъ воротъ двумя крылами, полукругомъ, тянутся низенькія зданія открытых конюшенъ для кавалеріи, вплоть до дороги, пересекающей площадь по самой ея срединѣ. Мы подъѣзжали съ противоположной стороны, гдѣ переѣхавъ въ бродъ небольшой ручей, окаймленный густымъ тальникомъ, выѣхали на площадь. Она представляла весьма красивый видъ. На полукруглой большой площади, отъ воротъ дворца до дороги, маневрировали, по разнымъ направленіямъ, маленькими отдѣленіями, пестро одѣтыя коканскія войска; у самой дороги была растянута цѣль солдатъ учившихся стрѣльбѣ. На дорогѣ и остальной части площади, большая толпа народа съ любопытствомъ смотрѣла на эти воинскія упражненія и сама составляла по разнообразію и яркости костюмовъ отличное дополненіе ко всей картинѣ. Ко всему этому надо прибавить чистое, голубое, утреннее небо, косые лучи яркаго южнаго солнца и длинную волнующуюся тѣнь отъ воротъ дворца, которая ложилась на группы маневрирующихъ солдатъ, захватывая и часть зрителей.

Мы пересѣкли дорогу и уже поровнялись съ цѣлью стрѣлявшихъ солдатъ, какъ моя лошадь начала выказывать яв-

ные признаки неудовольствія противъ стрѣлковъ; одного изъ нихъ она чуть не раздавила, и я съ большимъ трудомъ удерживалъ ее порывы. На мое счастье сопровождавшій насъ чиновникъ объявилъ намъ что мы должны слѣзть съ лошадей; я съ удовольствіемъ повиновался. Пѣшкомъ продолжали мы путь посреди движущагося по разнымъ направленіямъ войска; всѣ офицеры имѣли въ рукахъ калтаки, и, сколько я могъ замѣтить, палка эта была у нихъ не даромъ. Одинъ солдатикъ, отставшій отъ фронта, на моихъ глазахъ получилъ нѣсколько громкихъ ударовъ этого калтака по спинѣ. Чѣмъ далѣе мы подвигались, тѣмъ площадь становилась шумнѣе и оживленнѣе. Крикъ командующихъ офицеровъ, трескотня барабановъ, рѣзкое гудѣнье трубъ и все усиливающаяся стрѣльба составляли какое-то оглушительное цѣлое, просто одуряющее. У самыхъ воротъ училась артиллерія: одинъ артиллеристъ съ удивительной энергіей пихалъ банникъ въ пушку, что впрочемъ не избавило его отъ нѣсколькихъ поощрительныхъ ударовъ палочки офицера. Наконецъ мы вошли въ высокую дверь, и сдѣлавъ два поворота подъ высокими сводами башни, вышли на большой широкой дворъ, окаймленный крытой террасой. По обѣимъ сторонамъ пересѣкавшей его по срединѣ дороги, сидѣли на корточкахъ солдаты, держа въ рукахъ стоямя длинныя ружья. Шумъ съ площади долеталъ въ видѣ общаго неяснаго гула, а предъ нами былъ стройный высокій фасадъ собственно дворца, котораго, къ несчастію, невозможно было разглядѣть, такъ какъ онъ былъ застроенъ лѣсами по случаю его обшивки цвѣтнымъ кирпичомъ. Мы едва сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ насъ встрѣтилъ мехтаръ. Поздоровавшись, мы продолжали путь уже съ нимъ. Опять ворота и затѣмъ отлогіи подъемъ; наконецъ еще ворота, и мы остановились. Мехтаръ указалъ намъ на окно, въ которомъ мы увидѣли красиваго мушкетера въ бѣлой чалмѣ и свѣтло-сѣромъ халатѣ. „Ханъ“, тихо прошепталъ мехтаръ. Мушкетеръ въ окнѣ приподнялся; мы поклонились, а вокругъ насъ множество вооруженныхъ людей закричали: „Гу-меръ даулетъ инысь зида уль-санъ“, что значитъ: многіе годы и полное счастье вамъ желаемъ.

— Пойдемте, торопливо сказалъ мехтаръ.

Мы послѣдовали за нимъ черезъ дворъ, и съ нами нѣсколько челоѣкъ одѣтыхъ въ синіе кафтаны, съ черными бараньими шапками на головахъ. Двое изъ нихъ, которые шли око-

ло меня, были люди довольно пожилые и имѣли по маленькому серебряному эполету пришитому на каждомъ плечѣ и одинъ такой же на спинѣ. Мы вошли въ большую комнату, въ дверяхъ которой стояло нѣсколько вооруженныхъ солдатъ. Въ углу, противъ двери у раскрытаго окна, сидѣлъ на полу ханъ, тотъ самый мушкетеръ который намъ поклонился изъ окна. Ханъ мнѣ показался лѣтъ подь сорокъ, очень красивой наружности, со смуглою бородой и съ живыми, умными глазами. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, вдоль стѣны, сидѣло также на полу нѣсколько человѣкъ, большею частью стариковъ. Едва мы вошли, какъ мехтаръ взялъ меня подъ руку и такъ быстро подвелъ къ хану, что хотя предупрежденный, я едва успѣвалъ за нимъ. Ханъ пожалъ мнѣ руку и жестомъ пригласилъ сѣсть; мехтаръ отвелъ меня на нѣкоторое разстояніе, и я уѣлся на полъ, сколь возможно болѣе по восточному. За мной то же произошло съ моимъ зятемъ, котораго подводилъ одинъ изъ одѣтыхъ въ синій кафтанъ; послѣ рукопожатія его усадили около меня. Мехтаръ и около него наши два переводчика стали по срединѣ комнаты.

Какъ только мы оба уѣлись, ханъ сказалъ нѣсколько словъ, которыя мехтаръ повторилъ нашему переводчику, который въ свою очередь перевелъ ихъ намъ. Едва мы узнали черезъ этотъ двойной путь что его высокостепенство радуется нашему пріѣзду и пребыванію въ Коканѣ, какъ ханъ спросилъ о здоровьи друга своего туркестанскаго генераль-губернатора. Я отвѣчалъ что генераль-губернаторъ здоровъ и навѣрное будетъ очень доволенъ когда узнаетъ что его высокостепенство такъ заботливо освѣдомляется о немъ. Въ настоящее время онъ уѣхалъ въ отдаленныя мѣста управляемаго имъ края, но уѣзжая, поручилъ мнѣ передать это письмо, которое тутъ же я и вынулъ.

Пока мой отвѣтъ шелъ тѣмъ же двойнымъ путемъ, мехтаръ взялъ у меня письмо, и съ низкимъ поклономъ, тѣмъ же быстрымъ, мелкимъ шагомъ подалъ его хану, который тотчасъ же его распечаталъ. Какъ кажется это означало особое уваженіе къ генераль-губернатору и вмѣстѣ было знакомъ что наша аудіенція окончена. Въ послѣднемъ не могло быть никакого сомнѣнія: мехтаръ съ однимъ изъ синихъ господъ подошли къ намъ и подъ руки вывели насъ изъ комнаты. Этимъ однако не окончился нашъ визитъ во дворецъ; насъ отвели въ другую комнату, гдѣ мехтаръ пригласилъ насъ от-

дохнуть, прибавляя что ему поручено ханомъ угощать насъ. Мы усѣлись на полу, и вмѣстѣ съ нами нѣсколько человѣкъ, ловидимому, придворныхъ. Явились, какъ водится, подносы съ обычными сластями, и начался разговоръ. Одинъ изъ сидящихъ съ нами обратился ко мнѣ съ вопросомъ: какъ мнѣ понравился Коканъ?

— Очень, отвѣчалъ я, — теперь я совершенно доволенъ что послушался совѣта генераль-губернатора и пріѣхалъ сюда, а не поѣхалъ въ Бухару, какъ намѣревался.

Мой отвѣтъ очень понравился моимъ собесѣдникамъ. Безъ всякаго намѣренія я сдѣлалъ очень ловкій комплиментъ. Бухара была всегдашней соперницей Кокана. Тогда я еще мало зналъ событія предшествовавшія въ Средней Азіи занятію Русскими полосы земли отъ Туркестана до Самарканда, вошедшей угломъ въ центральную Азію и навсегда отдѣлившей Коканъ отъ Бухары. Разговоръ шелъ о сравнительномъ достоинствѣ обоихъ государствъ, особенно о ихъ климатѣ, причемъ все преимущество оказывалось на сторонѣ Кокана. Послѣ многократныхъ похвалъ всему мною видѣнному, я выразилъ что выношу только одно сожалѣніе что такъ мало имѣлъ удовольствія видѣть хана. Мехтаръ вышелъ въ продолженіе разговора, и вскорѣ появился посланный отъ хана, который намъ сказалъ что его высокостепенство сократилъ аудіенцію, видя что намъ неловко было сидѣть. Мы выразили что очень сожалѣемъ что такъ показалось хану, но что мы наслаждаемся его лицедрвіемъ нисколько не ощущали никакого неудобства. Посланный удалился, и мы изъявили желаніе уйти, но бесѣдовавшіе съ нами убѣдительно просили остаться еще немного. Мы этимъ воспользовались чтобы подробно осмотрѣть комнату въ которой находились. Она, какъ и та въ которой насъ принималъ ханъ, была устлана коврами вмѣсто всякой мебели; но стѣны и особенно потолоки были замѣчательно расписаны самыми яркими красками, которыя, несмотря на свою пестроту, составляли стройное, гармоническое цѣлое. Причудливыя и въ высшей стелени разнообразныя арабески рисунка выказывали не малую долю таланта и фантазіи въ ихъ творцѣ. Дѣйствительно эта стѣнная живопись заслуживаетъ не только вниманія, но и изученія какъ оригинальный образецъ орнаментной живописи. Кромѣ этого, мы любовались рѣзными ставнями на окнахъ, превосходной тонкой работы. На

этихъ ставняхъ были желѣзные, висячіе затворы на цѣпочкахъ, чрезвычайно оригинальные.

Мы еще не успѣли обойти со вниманіемъ всей комнаты, какъ возвратился мехтаръ и за нимъ нѣсколько человѣкъ съ халатами на рукахъ. Ханъ жаловалъ намъ халаты: моему зятю и мнѣ по два, а переводчикамъ по одному. Несмотря на жаръ, намъ пришлось сверхъ нашихъ черныхъ фраковъ надѣть два халата, одинъ на другой, и изъ нихъ нижній былъ на суконной подкладкѣ. Оба были очень красивы, особенно мой верхній, смахивающій немного на ризу. Онъ былъ изъ лиловой шелковой парчи, съ затканными серебряными и золотыми цвѣтами. Какъ только мы одѣлись, всѣ присутствовавшіе насъ громко поздравили съ ханскою милостью; причемъ всякій, по коканскому обычаю, провелъ обѣими своими руками по своей бородѣ, призывая имя Аллаха. Благодаря за поздравленія, я выразилъ мехтару желаніе поблагодарить самого хана за его вниманіе. Онъ удалился доложить о семъ его высокостепенству и вскорѣ вернулся, приглашая насъ идти за нимъ. Мы опять вошли въ комнату, гдѣ продолжался еще саламъ, и только молча раскланились съ ханомъ; при этомъ вошедшіе съ нами придворные громко крикнули: „михманла килибды съизга коллокъ утеняда“, что значитъ: гости пришли васъ благодарить. Тѣмъ и кончилась наша аудіенція. Мехтаръ, несмотря на наши просьбы не беспокоиться, провожалъ насъ нѣкоторое время, и только на второмъ дворѣ уступилъ нашимъ настоятельнымъ увѣщаніямъ и простался съ нами. Въ это время точно изъ земли выросъ пріятель нашъ Аширъ-Ходжа и съ сіяющимъ лицомъ объявилъ намъ что наши подарки очень понравились хану. Особенно сигарочница съ музыкой, прибавилъ онъ съ радостною улыбкой, — „хубъ якши“ (очень хорошо), повторилъ онъ нѣсколько разъ. Мы его поблагодарили за хорошее извѣстіе и пригласили къ намъ чай пить; онъ обѣщалъ пріѣхать черезъ нѣкоторое время.

— Сейчасъ нельзя, объяснилъ онъ вполыхахъ, — надо идти еще расъ завести сигарочницу; и съ этими словами поспѣшно удался.

Войска продолжали все еще маневрировать на площади; толпа не уменьшалась, и теперь ея любопытство обратилось на насъ. Наши парадные халаты привлекли всеобщее вниманіе; наконецъ мы сѣли на коней, и сопровождаемые изряднымъ количествомъ мальчишекъ, направились къ тѣнистому ручью.

Впереди насъ слуга нашего хозяина съ трудомъ удерживалъ предъ собой, поперекъ сѣдла, большой узелъ.

— Что это везетъ Риза? спросилъ я переводчика.

— Какъ же-съ, это у нихъ ужъ обычай. Угощеніе которое вамъ подавалось все вамъ отдано, отвѣчалъ проницески улыбаясь Султанъ.

Дѣйствительно, орѣхи, изюмъ и все прочее поступило въ нашу собственность; даже два ящика леденца съ надписью „Фабрика бр. Кокиныхъ въ Москвѣ“, красовавшіеся предъ нами во дворцѣ, попали опять въ русскія руки. Этимъ однако не ограничилась ханская милость. Едва мы дома расположились пить чай съ нашимъ хозяиномъ и Аширъ-Ходжей, какъ явился посланный изъ дворца съ мѣшками рису, ячменя, цѣлою арбой клевера и всякой зелени, а также съ живымъ бараномъ.

— Я право не знаю какъ и благодарить хана, сказалъ я Аширъ-Ходжѣ.

— Это что! возразилъ онъ съ нѣкоторою торжественностью. — Вы вотъ что замѣтите: вамъ ханъ пожалъ руку, говорилъ съ вами. Это вотъ важно, и этого еще никогда не было у насъ въ Коканѣ.

Правда ли что я первый Русскій, частный человѣкъ, который былъ принятъ въ Коканѣ такъ почетно, и дѣйствительно ли это такой почетъ, право не знаю. Если же это такъ, какъ говоритъ Аширъ-Ходжа, то сердечно радуюсь этому доказательству того какъ на дальнемъ Востоку высоко цѣнятся рекомендація туркестанскаго генераль-губернатора, представителя нашего правительства въ этомъ отдаленномъ краѣ. Какое громадное поприще дѣятельности открывается вслѣдствіе сего, однимъ только вліяніемъ, и дѣятельности благотворной, безъ необходимости прибѣгать къ ultima ratio, къ силѣ, способу чрезвычайно легкому въ центральной Азии, но вмѣстѣ весьма убыточному.

III.

Послѣ официальныхъ визитовъ первыхъ дней нашего пребыванія въ Коканѣ, началась для насъ тихая, трудовая и весьма однообразная жизнь. Въ небольшомъ, близкомъ отъ нашей квартиры, домѣ, принадлежащемъ также нашему хозяину, мы на другой же день по пріѣздѣ начали возводить необходимыя

помѣщенія для вывода сѣмени шелковичныхъ червей. Самъ по себѣ домъ былъ очень малъ; но два большіе двора представляли много удобства для возведенія временныхъ построекъ. Къ несчастію, мы пріѣхали слишкомъ поздно, черезъ нѣсколько дней коконы должны были появиться уже на базарахъ, а потому, имѣя предъ собою всего какую-нибудь недѣлю, мы принуждены были ограничить свою собственную дѣятельность выводомъ только части всего предполагаемаго сѣмени, поручивъ произведеніе остальной нашему главному прикащику Хакимъ-Джану. Онъ долженъ былъ покупать коконы и раздавать ихъ туземцамъ для вывода, разумѣется, подъ нашимъ наблюденіемъ. Но и для того что мы предполагали сами сдѣлать, требовалось много приготовленій, и мы проводили весь день въ наблюденіяхъ за работами. Хотя избранный мною способъ вывода былъ чрезвычайно простъ, но онъ былъ неизвѣстенъ въ Коканѣ, и потому постоянныя объясненія и надзоръ были необходимы, причемъ наше незнаніе языка и необходимость для каждаго замѣчанія прибѣгать къ переводчику не мало затрудняли все дѣло.

Въ Россіи мало знакомы съ червеководствомъ, притомъ въ Москвѣ, Петербургѣ, также и въ Ташкентѣ, мнѣ привелось слышать многія сужденія о семъ предметѣ, которыя, по моему убѣжденію, крайне несправедливы; по сему считаю необходимымъ подробно разказать почему я пріѣхалъ въ Коканъ, и потомъ изложить мое мнѣніе о выводѣ сѣмени шелковичныхъ червей въ центральной Азіи.

Въ Италіи, вслѣдствіе болѣзни шелковичнаго червя, очень высоко цѣнится сѣмя этого полезнаго животнаго привозимое изъ странъ въ которыхъ нѣтъ болѣзни. Въ русскомъ Туркестанѣ, Коканѣ, Кашгарѣ, Хивѣ, Бухарѣ и вообще на всемъ возвышенномъ среднеазійскомъ плато, до сихъ поръ не было и признаковъ эпидеміи, которая вотъ уже двадцать почти лѣтъ опустошаетъ червекомильни не только Европы, но Китая, Малой Азіи, Персіи и Кавказа. Въ послѣдніе годы въ Италіи и на югѣ Франціи употребляли и употребляютъ въ громадномъ количествѣ сѣмя изъ Японіи, но коконы выходящіе отъ этого сѣмени хотя даютъ шелкъ превосходнаго качества, но такъ мало что выводъ ихъ едва ли годенъ. Вслѣдствіе сего многіе Италіяне пытались проникнуть въ центральную Азію. Между прочимъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прѣѣхали чрезъ Россію въ Бухару трое Италіянецъ,

которые тамъ были арестованы, и только по счастливому стеченію обстоятельствъ были освобождены изъ плѣна московскимъ купцомъ и почетнымъ гражданиномъ М. А. Хлудовымъ. Въ 1869 году, болѣе счастливый ихъ соотечественникъ, нѣкто Діогенъ Барбіери изъ Брешии, поѣхавъ въ Ташкентъ, получилъ не только позволеніе, но даже содѣйствіе нашего правительства, и въ Ходжентѣ вывелъ и купилъ около тысячи фунтовъ сѣмени шелковичныхъ червей, каковое въ концѣ года благополучно доставилъ въ Италію. Познакомивъ съ этимъ фактомъ, прошлою зимою въ Италію, я также случайно узналъ настоящій и вѣрный разчетъ поѣздки Барбіери. Дѣло оказывалось весьма выгоднымъ, и я рѣшился попытать счастье и отправиться для вывода сѣмени въ такой отдаленный край. Продолжительное пребываніе въ Италіи и занятіе червеководствомъ въ продолженіи многихъ лѣтъ достаточно ознакомили меня съ этою частью. Оставалось узнать о самомъ краѣ, это оказалось весьма труднымъ. Новѣйшихъ описаній новопріобрѣтенныхъ нашихъ владѣній, за исключеніемъ упомянутой уже мною книги П. И. Пашино, нѣтъ. Изъ иностранныхъ только Вамбери, но этотъ путешественникъ былъ на югѣ центральной Азіи, и не достигнулъ настоящихъ нашихъ границъ. Затѣмъ можно упомянуть о нѣкоторыхъ статьяхъ гг. офицеровъ, разсѣянныхъ въ журналахъ послѣднихъ годовъ, но онѣ большею частью мало знакомятъ съ краемъ и его производительностью. Приходилось ѣхать почти на-авось, и искать свѣдѣній въ Петербургѣ.

Въ мартѣ я былъ въ Петербургѣ, гдѣ въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ нашелъ весьма любезный пріемъ. На мой вопросъ: могу ли я заняться выводомъ сѣмени шелковичныхъ червей въ нашемъ Туркестанѣ, г. директоръ мнѣ объяснилъ что все дѣло зависитъ отъ мѣстнаго начальства, то-есть отъ туркестанскаго генераль-губернатора, и что, по его мнѣнію, г. генераль-губернаторъ не только дозволить мнѣ выводъ сѣмени, но даже окажетъ свое содѣйствіе, ибо, сколько извѣстно, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ противится тому чтобъ это выгодное производство попало въ руки иностранцевъ, но Русскому—путь чистъ. При этомъ я узналъ случайно въ Петербургѣ что многіе миланскіе торговые дома заявили желаніе заняться этимъ дѣломъ, но получили отказъ. Эти извѣстія меня несказанно обнадежили, и я отправился въ дальнѣйшій путь.

Пріѣхавъ 30го апрѣля вечеромъ въ Ташкентъ, я тотчасъ же узналъ весьма неутѣшительныя вещи. Дѣло въ томъ что извѣстія о выгодахъ полученныхъ Барбіери отъ продажи въ Италіи сѣмени вывезеннаго имъ изъ Ходжента, пройдя чрезъ Европу, Россію и Киргизскую степь, такъ выросли дорогой что достигнувъ Ташкента, произвели сильное впечатлѣніе на мѣстное населеніе и посему побудили туркестанское начальство принять слѣдующую мѣру: дозволяется къ вывозу только четыре тысячи фунтовъ сѣмени шелковичныхъ червей, съ уплатой въ пользу казны двадцати рублей пошлины съ фунта. Определенное количество было уже распределено между разными лицами безъ остатка. Мѣра эта, принятая только въ апрѣлѣ, никакъ не могла быть извѣстною въ Петербургѣ въ мою тамъ бытность.

Само предпріятіе, при новоустановленной пошлнѣ, являлось едва выгоднымъ, а потому никакъ не обуславливало такого дальняго и труднаго путешествія. Съ другой стороны, сдѣлать *три тысячи верстъ* по весенней распутицѣ на перекладныхъ, частью въ саняхъ, а потомъ въ тарантахъ, потерять столько времени и претерпѣть столько непріятностей и лишеній на пути для того чтобы вернуться ни съ чѣмъ, становилось жутко. Я рѣшился всеми средствами хлопотать о дозволеніи мнѣ заняться выводомъ и вывозомъ сѣмени хоть въ маломъ объемѣ. На мое счастье, пріѣхавшему нѣсколько дней ранѣе меня въ Ташкентъ г. Мозеру было дозволено произвести двѣ тысячи фунтовъ сверхъ уже розданныхъ четырехъ, но произвести ихъ въ Бухарѣ, куда онъ и отправился вмѣстѣ съ посольствомъ полковника Носовича. При этомъ долженъ сказать, я нашелъ въ главномъ начальникѣ края человека сострадательнаго, принявшаго участіе въ моемъ горестномъ положеніи. Мои хлопоты увѣнчались успѣхомъ, мнѣ было дозволено вывести до тысячи фунтовъ сѣмени въ Коканскомъ ханствѣ, подъ условіемъ уплаты двадцати-рублевой пошлины. Кромѣ того г. генераль-губернаторъ былъ на столько добръ что рекомендовалъ меня коканскому посланнику въ Ташкентѣ и далъ мнѣ письмо къ хану. Вотъ какимъ образомъ попалъ я въ Коканъ.

Мнѣ остается теперь поговорить о тѣхъ сужденіяхъ о которыхъ я упомянулъ выше. Въ Россіи, и въ особенности въ Ташкентѣ, преобладаетъ слѣдующее мнѣніе: выводъ сѣмени шелковичныхъ червей для вывоза положительно вреденъ, и

потому слѣдуетъ его запретить; большею частью, при этомъ отрицательномъ мнѣніи, высказывается другое положительное: туркестанскій и вообще среднеазіійскій шелкъ дурнаго качества, потому что его размотка плоха, посему на обязанности администраціи должно лежать—поощрять всѣми средствами улучшенную размотку шелка и устройство хорошихъ шелкомоталень.

О дозволеніи или запрещеніи вывоза сѣмени шелковичныхъ червей изъ Туркестана въ настоящее время не можетъ быть и разговора. Ходжентское сѣмя привезенное Барбіери въ Италію, въ лѣто сего года, дало тамъ самые плачевные результаты: черви изъ него вышли превосходные и вполнѣ здоровые; но они или совсѣмъ не вили коконовъ, или вили такіе (мягкіе, не dokonченные съ незакрытыми концами), которые не годились на размотку, и посему мы можемъ быть теперь совершенно спокойны. Врядъ ли кто рѣшится пріѣхать въ нашъ Туркестанъ для вывода и вывоза оттуда сѣмени шелковичныхъ червей. Тѣмъ не менѣе я бы желалъ разобрать нѣсколько подробнѣе мнѣніе о необходимости запретить этотъ вывозъ, тѣмъ болѣе что въ нашей администраціи да и повсюду нерѣдко, къ сожалѣнію, приходится слышать въ дѣлѣ промышленности слова: запретить, поощрить. Дай Богъ чтобы мои неавторитетныя слова были причиной усвоенія администраціей того убѣжденія что дѣло по отношенію къ промышленности состоитъ во введеніи полной общественной безопасности, устройствѣ, улучшеніи и облегченіи путей сообщенія, устройствѣ почтъ и телеграфовъ и наконецъ во введеніи дешеваго и правильнаго кредита, тамъ гдѣ нѣтъ никакихъ кредитныхъ учрежденій, какъ напримѣръ въ нашемъ Туркестанѣ; вотъ и все. Что же касается собственно до промышленности, то главное и единственное условіе ея существованія, какая бы она ни была, это ея выгодность. Система поощренія никогда не приводила къ ожидавшимся отъ нея результатамъ; запрещать же какую-либо отрасль промышленности можно только тогда когда дознано и доказано что она положительно вредна или опасна.

Два главные аргумента на которыхъ основываютъ предложеніе запретить вывозъ сѣмени суть слѣдующіе: 1) Вывозомъ сѣмени усилится спросъ на коконы, этимъ самымъ поднимется ихъ цѣна и тѣмъ затруднится и даже сдѣлается невозможнымъ не только улучшеніе шелкомотанія, но самое существованіе его; 2) если поднимутся цѣны на коконы отъ большаго на

нихъ спроса, то этимъ дастся поводъ земледѣльцамъ занимающимся червеводствомъ выводить червей какъ можно болѣе, что неминуемо поведетъ къ скученности въ червеводствѣ, отчего очень легко могутъ произойти между червями разные болѣзни.

Прежде чѣмъ говорить о первомъ изъ этихъ мѣръ, считаю полезнымъ разказать одинъ фактъ случившійся при мѣ въ Коканѣ. Шелкомотальщики города Маргеллана подали просьбу хану, въ коей, указывая что цѣны на коконы очень поднялись по случаю прибытія въ Коканъ многихъ кафировъ (невѣрныхъ) для покупки коконовъ съ цѣлю вывода изъ нихъ сѣмени, они, шелкомотальщики и вмѣстѣ правовѣрные, вслѣдствіе сего терпятъ большіе убытки и потому просятъ его высочество запретить кафирамъ покупать коконы. Ханъ позвалъ просителей къ себѣ и предложилъ имъ слѣдующій вопросъ: кто многочисленнѣе? тѣ ли которые какъ вы мотають шелкъ, или тѣ которые занимаются выводомъ червей для полученія коконовъ? Просители отвѣчали что нѣтъ сомнѣнія, классъ занимающихся червеводствомъ гораздо многочисленнѣе. „Вы сами произнесли свой приговоръ“, возразилъ ханъ. „Я обязанъ пецись о благосостояніи большинства моихъ подданныхъ, и потому отказываю вамъ.“

Нѣтъ сомнѣнія что еслибы допустили полную свободу въ выводѣ и вывозѣ сѣмени, то первое время цѣны на коконы очень бы поднялись, и пожалуй на годъ, даже на два, шелкомотанье совсѣмъ бы прекратилось, чего я впрочемъ не думаю. Всѣмъ извѣстно что большое увеличеніе цѣнъ на какой-нибудь продуктъ увеличиваетъ его производство, другими словами, усиленіе спроса усиливаетъ предложеніе, такъ что съ теченіемъ времени предложеніе настолько увеличивается что цѣны возбуждшія это постепенно падаютъ. Увеличеніе цѣнъ на коконы было бы тѣмъ полезнѣе для нашего Туркестана что только малая его часть занимается червеводствомъ. Именно имъ занимаются въ Ходжентѣ, въ Самаркандѣ и въ части Міанкальской долины. Въ Ташкентѣ эта промышленность только еще начинается, а въ Туркестанѣ, Чимкентѣ, въ большей части Кураминскаго уѣзда, въ Ура-Тюбе и Джизакѣ положительно вовсе не занимаются червеводствомъ. Обѣзжая всѣ эти мѣста и собирая показанія отъ мѣстныхъ нашихъ начальствъ, каковыя я провѣрялъ показаніями туземныхъ жителей, я нашелъ что въ настоящее время maximum произво-

длительности тѣхъ частей нашего Туркестана которыя занимаются червеководствомъ—въ годъ 25.000 пудовъ сырыхъ коконовъ. Каковыя коконы продавались въ нынѣшнемъ году, благодаря административнымъ мѣрамъ, самое дорогое въ Ходжентѣ по 12 руб. за пудъ; въ Самаркандѣ цѣна была ниже, и на послѣднихъ базарахъ не превышала 8 р. за пудъ. Возьмемъ даже цифру 12 р. за пудъ, это составитъ за все производство 300.000 р. Спрашивается какой бы былъ вредъ еслибы туркестанскіе земледѣльцы вмѣсто 300 тысячъ получили бы на 50% болѣе, то-есть 450.000 рублей? Ярѣшительно не вижу никакого; польза же отъ этого навѣрное была бы слѣдующая: червеводство, а слѣдственно и шелководство стали бы быстро распространяться по тѣмъ мѣстамъ въ которыхъ они весьма легко могутъ существовать, но до сихъ поръ не существуютъ. Сарты народъ чрезвычайно подвижной, воспріимчивый и весьма ладкій къ пріобрѣтенію. Доказательствомъ какъ они чутки къ своимъ выгодамъ можетъ служить быстрое усиленіе разведенія хлопчатой бумаги въ послѣднее время. Притомъ климатъ въ нашемъ Туркестанѣ благословенный, и если разводить тамъ тутовое дерево саженцами, оно черезъ годъ можетъ уже служить для червекормленія; въ этомъ меня увѣряли туземцы и въ Ташкентѣ, и въ Самаркандѣ. Наконецъ доказательствомъ быстроты растительности въ Туркестанѣ можетъ служить садъ разведенный въ Чимкентѣ чимкентскимъ уѣзднымъ начальникомъ, полковникомъ Шустовымъ. Въ два года изъ посаженныхъ кустовъ образовались деревья.

Попытки улучшить шелкомотаніе были сдѣланы въ Туркестанѣ, но онѣ до сихъ поръ не привели къ желаннымъ результатамъ. Какъ я уже упоминалъ, въ Ташкентѣ укоренилось весьма ошибочное мнѣніе что дурное качество среднеазіискаго шелка зависитъ единственно отъ дурной его размотки. Нѣтъ сомнѣнія, плохая размотка одна изъ причинъ дурнаго качества шелка, но есть другія, еще болѣе важныя, именно: разнохарактерность и чрезвычайная разноцвѣтность коконовъ, полное отсутствіе сортировки при размоткѣ, и наконецъ качество самой нити обвивающей коконъ. Еслибы нашъ туркестанскій коконъ качествомъ нити и своею однородностью былъ равенъ италіанскому, то безъ всякихъ поощреній администраціи весь нашъ Туркестанъ скоро бы покрылся самыми улучшенными шелкомотальнями, и во всякомъ случаѣ нашъ туркестанскій шелкъ не представлялъ бы такой разницы въ цѣ-

нѣ съ италіянскимъ. За италіянскій въ Москвѣ платятъ 700 р. за пудъ, даже и болѣе; за туркестанскій и коканскій отъ 225 до 230 р. за пудъ. Нѣтъ сомнѣнія что развитіе и улучшеніе шелкомотанія было бы весьма полезно для края; было бы еще полезнѣе еслибы вмѣстѣ съ шелкомотаніемъ устроились въ немъ фабрики самыхъ лучшихъ шелковыхъ матерій, и такимъ образомъ природный продуктъ поступилъ бы къ вывозу въ совершенно переработанномъ видѣ. Всего этого желать возможно, но ожидать и думать что сего можно достигнуть административными распоряженіями, врядъ ли своевременно. Въ Коканѣ, только-что я ознакомился съ качествомъ коконовъ, я написалъ записку о червеводствѣ, которую оттуда послалъ г. начальнику канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора. Я тогда еще не зналъ о полномъ неуспѣхѣ ходжентскаго сѣмени и надѣялся что можно будетъ воспользоваться увлеченіемъ которое возбудитъ въ Италіи здоровое туркестанское сѣмя, чтобы улучшить самую расу. Я вполнѣ убѣжденъ что улучшеніе достигнулось бы само собой еслибы была предоставлена полная свобода заниматься выводомъ и вывозомъ сѣмени кому и какъ онъ хочетъ и знаетъ. Сама необходимость заставила бы всякаго который бы пожелалъ вывести сѣмя съ цѣлю выгодной его продажи, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ тщательно сортировать коконы, и часть добытаго сѣмени отдавать туземцамъ для червеводства будущаго года или самому заниматься выводомъ коконовъ изъ своего же сѣмени. Этимъ путемъ въ нѣсколько лѣтъ улучшился бы типъ коконовъ, сдѣлался бы однообразнѣе; вслѣдствіе сего улучшилась бы самая нить шелка, и въ конечномъ результатѣ, улучшенное фабричное шелкомотаніе сдѣлалось бы возможнымъ и выгоднымъ. Не имѣя права ожидать что такая свобода будетъ допущена, я предложилъ въ своей запискѣ рядъ административныхъ мѣръ которыя въ сущности мало бы стѣсняли всякаго который отнесся бы серіозно къ предмету. Къ несчастію, полный и несомнѣнный неуспѣхъ ходжентскаго сѣмени въ Италіи и большіе убытки понесенные всѣми тѣми которые въ нынѣшнемъ году, съ дозволенія начальства, занимались выводомъ сѣмени въ Туркестанѣ, Коканѣ и Бухарѣ, по всему вѣроятію, всякому отобьютъ охоту заняться этимъ дѣломъ въ тѣхъ краяхъ на будущее время, и потому мало надежды на улучшеніе типа коконовъ, а слѣдовательно и на улуч-

шеніе качества шелка и на связанный съ нимъ устьѣхъ фабричнаго шелкомотанія.

Что же касается до административныхъ поощреній, то ничтожные результаты по части червеводства достигнутые на югѣ Россіи, въ новороссійскихъ губерніяхъ, несмотря на большія хлопоты и затраты со стороны правительственныхъ учреждений, ясно показали и доказали что въ дѣлѣ промышленности администрація далеко не всемогуща.

Второе мнѣніе, что усиленіе производства можетъ-быть причиною болѣзни червя, съ перваго взгляда кажется очень убѣдительнымъ. Я позволю себѣ спросить: если шелкомотаніе, столь поощряемое администраціей, усилится въ Туркестанѣ въ такой мѣрѣ что увеличится спросъ на коконы; поднимется ихъ цѣна, и земледѣльцы будутъ подвинуты усилить червеводство, не найдутъ ли тогда необходимымъ принять мѣры къ уменьшенію шелкомотанія? Вступивъ на ложную дорогу, администрація готовитъ себѣ много неожиданностей на пути своей заботливости.

Всякій сколько-нибудь опытный червеводъ знаетъ что количество выводимыхъ червей обуславливается количествомъ имѣющагося листа тутоваго дерева и величиной помѣщенія. Если не дать червямъ необходимаго количества листа, то они или умрутъ, или совяютъ плохіе, недоконченные коконы, которыхъ никто не купитъ. Также и при недостаточности воздуха, при скученности,—шелковичный червь вьетъ негодную, мягкую кокону, или умираетъ. При требованіи на рынкѣ хорошихъ коконъ, и вышей ихъ цѣнѣ сравнительно съ плохими, опытъ одного года убѣдилъ бы каждаго что выводить червей въ несоразмѣрномъ количествѣ, — одинъ убытокъ. Кстати долженъ заявить что видѣнные мною червекормильни въ Ходжентѣ и Коканѣ убѣдили меня что червеводство тамъ весьма неудовлетворительно, что безъ сомнѣнія вліяетъ и на качество нити, то-есть шелка.

Поговоривъ о главныхъ двухъ мнѣніяхъ, упомяну вратѣрь о двухъ другихъ, также часто мною слышанныхъ. Опытъ доказалъ де что въ странахъ откуда вывозятъ сѣмя шелковичныхъ червей для доставленія въ страны гдѣ уже существуетъ болѣзнь этого животнаго, появляется та же болѣзнь, какъ слѣдствіе этого вывоза. Признаю себя неспособнымъ для уразумѣнія такого явленія. Мнѣ кажется зараженіе отъ всякой

эпидемія происходитъ когда вывозятъ что-либо изъ зараженнаго мѣста въ незараженное; но если постуляютъ наоборотъ, — врядъ ли кто-либо въ состояннн понять и объяснить какимъ путемъ проникаетъ зараза. Вотъ уже болѣе десяти лѣтъ какъ Японія снабжаетъ Италию и югъ Франціи сѣменемъ шелковичныхъ червей, и все въ увеличивающихся размѣрахъ. Признаки болѣзни въ послѣднее время попадались часто, особенно въ лѣто прошлаго года въ японскихъ картонахъ. Въ нынѣшнее же лѣто японское сѣмя было почти вполнѣ здорово и дало великолѣпные результаты. Существующую, повидимому, болѣзнь въ Японіи врядъ ли можно приписать вывозу оттуда сѣмени въ Италию и Францію, а скорѣй сообществу съ Китаемъ, въ коемъ эта болѣзнь уже давно существуетъ. Замѣтимъ кстати что японское правительство выручаетъ значительный доходъ отъ пошлины на вывозное сѣмя, пошлины впрочемъ умеренной.

Наконецъ намъ случилось слышать мнѣніе что промышленность вывода и вывоза сѣмени шелковичныхъ червей не представляетъ ручательства долгаго и прочнаго существованія: это-де одна спекуляція, — и посему ее слѣдуетъ запретить. Не знаю есть ли на свѣтѣ какая-нибудь промышленность относительно которой можно было бы ручаться что ея успѣшное существованіе вполнѣ обезпечено хоть на полстолѣтія или хоть на четверть. Достаточно взять любое производство въ данной мѣстности, сколько разъ всякое измѣнялось, прекращалось, возобновлялось. Это, я думаю, можетъ провѣрить каждый. Наконецъ отчего выводъ и вывозъ сѣмени — спекуляція? Спекуляторомъ можно назвать каждаго который принимаетъ что-либо, имѣя въ виду барышъ, выгоду; но такова всякая людская дѣятельность кромѣ развѣ благотворительной. Наконецъ, принимая слово спекуляція въ значеніи нечестнаго, неправильнаго приобрѣтенія выгодъ, рѣшительно не вижу почему выводъ и вывозъ сѣмени шелковичныхъ червей будетъ менѣе честнымъ дѣломъ чѣмъ покупка и вывозъ пшеницы, сала, льнянаго сѣмени и пр. нашихъ вывозимыхъ за границу продуктовъ, большею частью сырыхъ.

Я бы желалъ полнѣе и подробнѣе поговорить объ этомъ вопросѣ, тѣмъ болѣе что я далеко не убѣжденъ въ невозможности акклиматизаціи туркестанскаго сѣмени въ Италиі,

гдѣ въ будущее лѣто намѣренъ самъ вывести то сѣмя которое приготовилъ въ Коканѣ; но болѣе распространяться вышло бы за предѣлы настоящей статьи. Окончу мое и безъ того длинное отступленіе однимъ только заявленіемъ: приведенныя мною мнѣнія я слышалъ въ частныхъ кружкахъ въ Россіи. Что же касается до туркестанскаго начальства и особенно до главнаго начальника края, то данное имъ разрѣшеніе на упомянутое мною производство, вопреки нѣкотораго гнета общественнаго мнѣнія въ противоположную совершенно сторону, ясно доказываетъ что онъ не раздѣляетъ этого мнѣнія.

Еще не совсѣмъ были готовы возводимыя нами постройки, какъ коконы появились на коканскомъ базарѣ въ большомъ количествѣ и пришлось начать ихъ покупку. Для бѣльшаго удобства и для сокращенія занимаемаго ими мѣста, мы нанизывали отбираемые для вывода сѣмени коконы на длинныя нити. Это простое дѣло шло у насъ не совсѣмъ удовлетворительно, такъ какъ рабочіе употребляемые нами были совершенно непривычны къ этого рода занятіямъ. Въ Коканѣ какъ и въ Италіи червеводство находится въ рукахъ женщинъ; мужчины занимаются только заготовленіемъ листа, подвозомъ его, продажей коконъ на базарѣ, а нѣкоторые и шелкомотаніемъ. Большинство изъ нихъ не имѣетъ даже понятія что изъ коконъ выходятъ бабочки; а отличать въ нихъ самокъ отъ самцовъ положительно въ началѣ никто изъ нашихъ рабочихъ не зналъ, хотя многіе изъ нихъ были намъ рекомендованы какъ уста (мастера) въ дѣлѣ червеводства. Вся работа приготовленій къ выводу сѣмени была отнюдь не замысловата: она состояла въ сортировкѣ коконъ, нанизываніи ихъ, сохраненіи чистоты и хорошаго воздуха въ помѣщеніяхъ гдѣ развѣшивались нити, и въ разныхъ мѣрахъ противъ муравьевъ, извѣстныхъ любителей сѣмени шелковичныхъ червей, тѣмъ не менѣе приходилось быть неотлучно при работѣ и постоянно кричать и повторять сто разъ на день одни и тѣ же указанія. Наскучивъ этими непрестанными повтореніями, я рѣшилъ замѣнить нашихъ мужскихъ рабочихъ женщинами. Сначала это казалось возможнымъ; нашъ хозяинъ обѣщалъ набрать опытныхъ старухъ, которыя согласятся работать на нашихъ глазахъ. Когда же пришлось перейти отъ словъ къ дѣлу, оказались непреодолимыя препятствія. Послѣ

длиннѣйшихъ, какъ всегда на Востокѣ, переговоровъ, мы получили слѣдующій ультиматумъ прекраснаго пола: онѣ согласны заняться уходомъ за коконами, бабочками и всѣмъ дѣломъ, но съ условіемъ чтобы никто изъ насъ никогда при нихъ и носу не показалъ на заведеніе. Таковъ законъ, прибавилъ отъ себя хозяинъ, женщины у насъ не могутъ показываться съ открытымъ лицомъ кафирамъ. Отказаться отъ наблюденія мы не могли, и переговоры съ прекраснымъ поломъ не привели ни къ какому результату.

Благодаря помощи нашего хозяина, мы наконецъ добились что работа пошла довольно успѣшно. Послѣ нѣкотораго времени между рабочими оказались расторопные и хорошіе малые, особенно изъ молодыхъ; мы ихъ удержали, поощрили повышеніемъ заработной платы, а тѣхъ которые были похуже уволили, замѣняя новыми, и такимъ путемъ достигли довольно успѣшнаго хода занятій, не прекращая впрочемъ нашихъ личныхъ постоянныхъ наблюденій. Надо сказать что Коканцы, сколько я могъ замѣтить, довольно понятливые и переимчивый народъ. Не всегда, бывало, случался переводчикъ подъ рукой, и часто приходилось объясняться жестами, дополняя ихъ немногими сартскими словами, которыми я выучилъ. Но рѣдко случалось чтобы не поняли. Притомъ это народъ довольно самолюбивый: съ нимъ крикомъ и бранью ничего не сдѣлаешь, необходима нѣкоторая мягкость обращенія, соединенная съ настойчивостію. Одно что въ нихъ не совсѣмъ пріятно поражаетъ нашего брата-европейца,—это фамильярность въ обращеніи, которая впрочемъ нисколько не мѣшаетъ дѣлу. Рабочіе сидятъ около васъ, нисколько не стѣсняясь, даже ощупаютъ ваши сапоги или куртку, если она ужъ очень ихъ заинтересуетъ; но тутъ же со всѣхъ ногъ бросятся исполнить малѣйшее ваше приказаніе или даже предупредить его. По окончаніи навизыванія коконъ, когда число рабочихъ уменьшилось и остались одни лучшіе, дѣло у насъ шло весьма отчетливо и съ большимъ порядкомъ.

Рабочіе, поденьщики, болѣею частію намъ стоили одинъ или полтора кокана, то-есть 20 или 30 к. сер. въ день. Въ послѣдствіи я узналъ что туземцы платятъ менѣе. Это понятно, и всюду такъ: постоянные жители всегда живутъ дешевле новопріѣзжихъ. Пища рабочихъ у насъ состояла изъ пяти пшеничныхъ лепешекъ (по 1 к. каждая) на человѣка,

затѣмъ утромъ имъ варили въ котлахъ кирпичный чай, приправленный молокомъ, бараньимъ саломъ и солью; въ обѣдъ они получали по чашкѣ навара изъ баранины, а вечеромъ, по окончаніи работъ, пилавъ, — послѣдній очень вкусный. Мѣстные жители кормятъ поденщиковъ только два раза въ день, и въ оба раза даютъ по лепешкѣ и по чашкѣ каши съфланной изъ рису и гороху на водѣ.

Въ наблюденіяхъ за работами проходилъ весь день, и чѣмъ далѣе подвигалось время тѣмъ становилось жарче. Правда, на дворахъ устроеннаго нами заведенія было нѣсколько тѣнистыхъ талловъ, даже широкій арыкъ протекалъ на одномъ изъ нихъ; тѣмъ не менѣе съ каждымъ днемъ жара становилась болѣе утомительною, особенно между двумя и четырьмя часами пополудни. Въ 11 часовъ утра, въ комнатѣ съ затворенными съ утра ставнями, бывало 26°. Реомюра. Притомъ, кромѣ моего зятя, мы всѣ много терпѣли отъ мошекъ и дѣлающей влѣдствіе ихъ укушеній нѣкотораго рода чесотки. Наконецъ и освѣжающій арыкъ не всегда бывалъ въ одинаковомъ положеніи: недѣлю онъ шелъ проточнымъ, глубокимъ; въ слѣдующую же превращался въ стоячій прудъ, въ которомъ подъ конецъ недѣли на днѣ едва было немного грязной воды. Вода входитъ большимъ арыкомъ въ Коканъ, и поочередно, по недѣлѣ, поливаетъ одну половину города. Она всегда мутна, а во время полевыхъ работъ просто грязна; мы ее рѣшались пить не иначе какъ вскипятивши въ самоварѣ; но Коканцы ее пьютъ безо всякихъ приготовленій, съ наслажденіемъ, увѣряя что она удивительно полезна отъ всѣхъ болѣзней. По всему вѣроятію вода главною причиною встрѣчающагося почти у всѣхъ Коканцевъ зоба. Собственно климатъ въ Коканѣ очень здоровъ. Я могу тѣмъ болѣе объ этомъ судить что благодаря взятой со мной походной аптекѣ прослылъ за доктора и имѣлъ почти ежедневно пациентовъ. * Въ Коканѣ, какъ и во всей Средней Азіи, удивительная сухость воздуха: съ половины апрѣля до конца сентября дождь—величайшая рѣдкость; росъ же никогда не бываетъ.

* Всего чаще встрѣчалъ я гастрическія лихорадки, которыя очень удачно излечивалъ или одной сѣрнокислою хинною солью (sulfate de quinine) или давъ предварительно рвотное. Мнѣ кажется они происходили отъ чрезмѣрнаго употребленія фруктовъ.

Благодаря нашему любезному хозяину, мы получили возможность вечеромъ подышать чистымъ воздухомъ, что было большимъ утѣшеніемъ послѣ дня проведеннаго съ рабочими. У него былъ большой садъ въ самомъ концѣ города, къ Наманганскимъ воротамъ. Верхомъ отправлялись мы туда ежедневно послѣ окончанія занятій, и тамъ подъ сѣнію большихъ урюковыхъ деревьевъ пили чай; возвращались домой поздно и всякій разъ съ запасомъ вкуснаго урюка, котораго въ саду было множество всякихъ сортовъ. Сначала наши поѣздки происходили безо всякихъ приключеній; вѣроятно городскіе жители, видя почетный пріемъ хана, приняли насъ за великихъ людей; но потомъ къ намъ попривыкли, увидали что мы простые смертные и даже работающіе, и со временемъ рѣдкая поѣздка обходилась безъ ругательствъ отъ встречаемыхъ нами туземцевъ. Переводчикъ нашъ Султанъ не охотно намъ переводилъ эти привѣтствія.

„Не хорошо, дрянной народишко, вздоръ говорятъ, собаки“, вотъ болѣею частію что мы могли отъ него добиться.

Нѣсколько разъ впрочемъ случалось намъ услышать и чисто-русское крѣпкое слово. Очевидный признакъ что русскіе пионеры оставили нѣкоторый слѣдъ своего пребыванія въ этомъ краѣ. Всѣ эти заявленія непріязни, возбуждаемыя нами, изъяснялись впрочемъ весьма слержанно и всегда намъ въ слѣдъ, послѣ нашего проѣзда; мы на нихъ не обращали никакого вниманія, продолжали свои ежедневныя прогулки и даже расширяли ихъ, осматривая разные части города предъ поѣздкой въ садъ. Нашъ почетный хозяинъ сильно обезпокоился таковыми манифестаціями коканской публики. Какъ-то въ разговорѣ мы ему упомянули о нихъ.

— Узнаетъ ханъ, говорилъ онъ намъ озабоченно, — очень разсердится. Вы его гости, васъ надо почитать, а они ругаютъ. Кто будетъ ругать, если его поймаютъ, будетъ сильно наказанъ. Я вотъ скажу мехтару.

Мы убѣдительно его просили никому ничего объ этомъ не говорить, но кажется онъ не послушалъ насъ, ибо вскорѣ послѣ этого разговора ругательства прекратились; но мало-по-малу опять начались попрежнему, несмотря на то что кромѣ переводчика насъ съ тѣхъ поръ всегда сопровождали двое слугъ нашего хозяина. Оба они заслуживаютъ чтобы съ ними познакомить читателя.

Старшій былъ ташкентскій Сартъ, человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, звали его Мусса-Ходжа. Онъ давно служить у нашего хозяина и съ нимъ былъ въ Меккѣ, откуда они возвратились чрезъ Триестъ, Вѣну и Петербургъ. Путешествія его довольно развили. Онъ зналъ немного по-русски, но впрочемъ не на столько чтобы съ нимъ можно было разговаривать безъ переводчика. Я рѣдко видѣлъ болѣе смышленого и предупредительнаго слугу. Въ два-три дня онъ узналъ все что намъ нужно и предупреждалъ всякое приказаніе. Другой былъ молодой конюхъ, по имени Риза, лихой наѣздникъ и удивительно понятливый малый. Не прошло недѣли какъ мы пріѣхали, и Риза уже съ замѣчательною отчетливостію говорилъ цѣлыя фразы по-русски. Оказалось что по вечерамъ нашъ русскій человѣкъ, Петръ Варолюмеевъ, давалъ ему уроки. Разъ я ихъ засталъ за этимъ занятіемъ; причемъ учитель заливался громкимъ хохотомъ. Я просилъ продолжать.

— Окно, видишь окно, такъ и называется окно, внишительно и нѣсколько строго говорилъ Петръ.

— Окно, повторялъ Риза.

— А это дверь, слышь, дверь, продолжалъ Петръ, указывая на предметъ.

Риза повторялъ.

— Ну, теперь, еще съ болѣею строгостію спрашивалъ Петръ, — какъ это называется? и онъ указывалъ на дверь или окно. Если Риза отвѣчалъ вѣрно, то смѣхъ Петра долго не прекращался.

— Еслибы не бѣгалъ по комиссіямъ, а былъ бы постоянно только со мной, съ глубокимъ убѣжденіемъ говорилъ Петръ, — я бы его скоро выучилъ отлично говорить по-русски.

Дѣйствительно, бѣдный Риза былъ занятъ цѣлый день. Хотя были и другіе люди, и конюхи, но по двору только и слышно было со всѣхъ сторонъ: „Риза, Риза!“ и проворный Риза черезъ минуту летитъ бывало купить что-нибудь на два чоха ($\frac{1}{2}$ коп. сер.), или тащить что-нибудь, и все бѣгомъ. Въ наши вечернія прогулки онъ гарцовалъ всегда впереди, а Мусса-Ходжа составлялъ арріергардъ. Послѣдній относился съ большимъ негодованіемъ къ нашимъ ругателямъ. Иной разъ ѣдешь себѣ спокойно, ничего не замѣчая, какъ вдругъ Мусса-Ходжа быстро повернетъ лошадь, и ну громко и запальчиво объясняться съ какимъ-нибудь прохожимъ. Что такое? Что случилось? Что онъ тамъ сказалъ? — Ничего, отвѣчаетъ всегда

Мусса-Ходжа, скорчивъ грустную физиономію, — яманъ (дурной) народъ, необразованъ.

Дѣйствительно народъ необразованъ въ Коканѣ, къ несчастію и не одинъ народъ. Высшихъ классовъ нѣтъ, то-есть они есть, но по своимъ вкусамъ, образу жизни, идеямъ, образованію, они ничѣмъ не отличаются отъ низшихъ. Побогаче, слѣдственно домъ больше, баранина чаще подается, есть лошади, лишняя жена и гдѣ-нибудь въ сундукѣ мѣшокъ или мѣшки съ деньгами; вотъ вся разница; есть исключенія, но чрезвычайно рѣдко. Даже въ высшихъ богатыхъ классахъ часто встрѣчаются люди не умѣющіе читать и писать; да и къ чему; главное знать на память нѣсколько мѣстъ изъ корана, и чѣмъ больше тѣмъ лучше. Одинъ изъ нашихъ частыхъ посѣтителей, богатый землевладѣлецъ около Рештана, слытъ за одного изъ самыхъ ученѣйшихъ людей въ Коканѣ, и къ нему всѣ прочіе относились всегда съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Ученость эта состояла въ томъ что онъ зналъ на память весь коранъ. Образованнѣйшій классъ въ Коканѣ, какъ и во всей Средней Азіи, — духовенство; въ его рукахъ находится и народное образованіе. Между прочими, къ намъ хаживалъ часто одинъ молодой мулла, окончившій курсъ въ главномъ медресе города. Не безъ труда добились мы отъ него въ чемъ состоятъ его занятія, на тягость которыхъ онъ непрестанно жаловался. Сначала онъ на всѣ наши вопросы твердилъ одинъ отвѣтъ: „мнѣ не много остается, я уже выучилъ семь книгъ; теперь учу восьмую, и когда выучу, мнѣ останется всего двѣ.“ Оказалось что всѣ десять книгъ были толкованія на коранъ, а ученіе состояло въ заучиваніи на память. Духовенство, имѣя въ своихъ рукахъ училища, мечети и медресе, къ которымъ приписаны большія имѣнія, имѣетъ громадное вліяніе не только на народъ, но и на само правительство. Вліяніе это весьма враждебно намъ, что очень понятно; мы на Востокѣ представители европейской цивилизаціи, столь противной мусульманскому застою, на которомъ заждется не только вліяніе, но самая жизнь и благосостояніе духовенства. Кстати объясню что такое медресе. Оно не только высшее училище приготовляющее молодыхъ людей къ занятію мѣстъ муллъ, но вмѣстѣ и страннопріимный домъ. Въ Коканѣ и вообще въ Средней Азіи есть обычай отказывать по завѣщанію нѣкоторую долю своего имѣнія медресе; это съ теченіемъ времени скопило большія богатства при этихъ учрежденіяхъ

завѣдываемыхъ духовенствомъ, что не послѣдняя причина его вліянія, усиливающагося еще тѣмъ обстоятельствомъ что въ рукахъ духовенства находится также отчасти и все гражданское судопроизводство.

Для лицъ желающихъ ближе познакомиться съ предметомъ, могу рекомендовать XVII главу („Просвѣщеніе и духовенство“) упомянутой уже мною книги Пашино. Все что онъ въ ней говоритъ о Ташкентѣ, бывшемъ тогда еще совершенно Коканскимъ, безусловно вѣрно для Кокана и теперя.

Познакомился я также въ Коканѣ съ другимъ представителемъ интеллигенціи края, именно съ главнымъ докторомъ хана. Много куріозовъ слышалъ я отъ него о лѣченіи разныхъ болѣзней; но всего любопытнѣе самый способъ лѣченія, о которомъ не могу не разказать. Въ Коканѣ докторъ берется вылѣчить больнаго въ опредѣленное время; если онъ успѣетъ, то получаетъ по выздоровленіи своего паціента условленную плату; если же нѣтъ, съ него взыскивается штрафъ. Если же дѣло съ высокопоставленнымъ лицомъ, то вмѣсто штрафа, неуспѣхъ лѣченія можетъ за собой повлечь лишеніе жизни самого доктора. Между прочимъ я спросилъ у своего собесѣдника: гдѣ онъ учился? предполагая что онъ отвѣтитъ: въ Испанской медицинской школѣ, снабжающей въ настоящее время весь Востокъ докторами. Не тутъ-то было.

— Нигдѣ, отвѣчалъ онъ очень просто.

— Какъ же вы лѣчите? продолжалъ я.

— У меня книга есть, отвѣчалъ докторъ съ самодовольною улыбкой.

Въ сущности этотъ медикъ, какъ и прочіе мною упомянутые представители восточной интеллигенціи, ничѣмъ не отличался отъ любого рабочаго, который на нашемъ заведеніи за полтора кокана въ день навизывалъ коконы. Есть своего рода хорошая сторона когда народъ представляетъ сплошную массу однородныхъ и однокачественныхъ элементовъ. Это такъ, но когда посмотришь на жизнь въ Коканѣ, столицѣ, главномъ городѣ богатаго и до сихъ поръ ханства, ужаснешься при видѣ всеобщей пустоты и праздности. Коканецъ, если нужда не заставляетъ его быть поденщикомъ или работать, проводить весь день на улицѣ, на базарѣ, въ чай-хане, гдѣ онъ выпиваетъ три, четыре чайника зеленого чая, слушаетъ городскія сплетни или разказы какого-нибудь полоумнаго дер-

виша о дивныхъ прелестяхъ путешествія въ Мекку, или смотритъ по цѣлымъ часамъ какъ дерутся горныя куропатки, любимое коканское уловольствіе. Люди богатые расширяютъ кругъ такого рода зрѣлищъ и смотрятъ на драку пѣтуховъ, верблюдовъ, ословъ и всякихъ другихъ животныхъ. Кромѣ этого въ Коканѣ, гдѣ какъ во всѣхъ мусульманскихъ земляхъ запрещено вино * (при Малли-ханѣ за употребленіе вина рѣзали горло), весьма распространено употребленіе опиума, хашша и кункары. Последнее есть настой на водѣ маковыхъ головокъ сильно одуряющаго свойства. Наркотическія эти средства продаются открыто повсюду. Тѣмъ не менѣе надо сказать что употребленіе ихъ, по общественному мнѣнію, считается порочнымъ, и потому хотя многіе сему предаются, но все же это меньшинство, а большинство населенія только праздно, можно сказать, невинно праздно. Надо посмотрѣть съ какою любовью ведутъ они переговоры о самомъ незначительномъ дѣлѣ, и особенно какъ длинно. Стулайте на базаръ въ рыночный день: толпы народа запружаютъ площадь, ряды и сосѣднія улицы; съ трудомъ можно продратъся. Навѣрное не болѣе одной десятой всѣхъ присутствующихъ продавцы и покупатели; остальные пришли такъ, поболтать, чайку выпить въ обществѣ и больше ничего. Въ Коканѣ базаръ три раза въ недѣлю: каждый разъ крестьянинъ-фермеръ арендующій садъ нашего хозяина, въ который мы ѣздили каждый вечеръ, проводилъ цѣлый день на рынкѣ и вечеромъ возвращался съ нами домой. Ну что купилъ или продалъ? спрашивалъ я его постоянно. Ничего, отвѣчалъ онъ всегда съ улыбкой, — тамаша (зрѣлище). И такихъ какъ онъ большинство.

Въ русскихъ кружкахъ въ Туркестанскомъ краѣ мнѣ не разъ приводилось слышать громкія нареканія на сартскую лѣнь и праздность, особенно въ независимыхъ Бухарѣ и Коканѣ; когда же рѣчь заходила о тамошнихъ порядкахъ, то разговаривающіе приходили въ азартъ и обыкновенно оканчивали слѣдующимъ: „дали бы мнѣ командовать отрядомъ, я бы имъ показалъ и пр.“ Желаніе пріобрѣтеній на

* Наши люди, впрочемъ, доставали безъ особыхъ затрудненій водку у коканскихъ Евреевъ, и водку очень хорошую. Пьянство, хотя тщательно скрываемое, — существуетъ въ Коканѣ, какъ мнѣ говорили многіе.

пользу и славу нашего великаго отечества, нѣтъ словъ, въ высшей степени похвально; притомъ стоить хоть немного положить въ любомъ среднеазійскомъ городѣ чтобъ убѣдиться что завоеванія въ этомъ краѣ не связаны съ особыми трудностями. Это все отлично,—ну а потомъ? Характеръ, самая жизнь здѣшняго народонаселенія сложились вѣками, вслѣдствіе множества причинъ. Этого сразу не измѣнить ни завоеваніе и никакая реформа. Ну положимъ, мы возьмемъ Коканъ, Бухару, да и еще что-нибудь. вмѣсто бековъ въ городахъ будутъ править уѣздные начальники, спрашивается: будетъ ли лучше отъ этого народъ? разовьется ли онъ? и что всего важнѣе: выиграетъ ли отъ этого Россія? Сомнѣваюсь.

Кстати позволю себѣ подробнѣе поговорить объ этомъ предметѣ. Можетъ-быть сочтутъ это неумѣстнымъ; но я считаю своей обязанностью высказать свое мнѣніе о столь мало извѣстномъ въ Россіи, нашемъ Туркестанскомъ краѣ. О немъ судятъ по словамъ служащихъ лицъ, отирающихся туда съ весьма натуральнымъ и понятнымъ желаніемъ отличій; при этомъ, какъ всегда, мѣстные интересы заслоняютъ общіе. Поэтому, мнѣ кажется, мнѣніе челоуѣка посторонняго, можетъ быть полезно, даже если оно и ошибочно. Я отнюдь не представляю своихъ взглядовъ какъ безусловно вѣрныхъ, я ручаюсь только что они основаны на добросовѣстномъ убѣжденіи. Если ошибаюсь,—да укажутъ и докажутъ мои ошибки.

Самое умѣренное мнѣніе которое я слышалъ—это что мы должны идти впередъ и остановиться только когда достигнемъ Аму-Дары; о немъ только и поговорю, ибо не думаю чтобы можно было серьезно толковать о мнѣніи полагающемъ одинъ Тибетскій хребетъ горъ предѣломъ нашихъ завоеваній въ Азіи. Я самъ полагаю что Аму-Дарья наша естественная южная граница,—но современемъ. Въ настоящую же минуту намъ слѣдуетъ остановиться. Мы еще не усвоили, не переварили сдѣланныхъ завоеваній, даже и не приступили къ сему. Между тѣмъ Туркестанское генералъ-губернаторство стоитъ Россіи ежегодно шесть милліоновъ убытка. Цифра весьма краснорѣчивая. Говорятъ ее слѣдовало бы уменьшить на половину, ибо главный расходъ, войско, стоило бы около половины упомянутой цифры, еслибъ оставалось въ Россіи. Положимъ, но и то убытокъ весьма значительный, и убытокъ происходящій только отъ временнаго такъ-сказать занятія края, безъ принятія какихъ-либо орга-

ническихъ мѣръ для укрѣпленія его за Россіей. При такомъ положеніи дѣлъ, мнѣ кажется, было бы не совсѣмъ благоразумно приступать къ новымъ завоеваніямъ, а слѣдственно и къ новымъ издержкамъ. Тѣмъ болѣе что подаваясь впередъ, мы нѣсколько не обезпечены съ тылу. Малѣйшее волненіе въ степи, и западное, самое кратчайшее сообщеніе съ Россіей перервано. Событія прошлаго года это ясно показали. Въ прошломъ году нѣкоторыя станціи между Уральскимъ Укрѣпленіемъ и Фортотъ № 1й были разграблены, и нѣсколько казаковъ уведены въ Хиву, и всякое сообщеніе перервано на довольно долгое время. Къ счастью, былъ всего одинъ случай крупнаго убійства: около станціи Джалавлы зарѣзали семь человѣкъ ремесленниковъ, ѣхавшихъ въ Ташкентъ. Подобные случаи могутъ легко повториться *. Мнѣ кажется при таковыхъ обстоятельствахъ всякій найдетъ что прежде чѣмъ идти впередъ, необходимо обезпечить правильное, безостановочное и вполне безопасное сообщеніе съ внутренней Россіей по кратчайшему направленію. Возможность завоеваній всегда останется при насъ; да наконецъ въ нихъ теперь нѣтъ и особенной надобности. Сосѣднія съ нами независимыя государства, за исключеніемъ враждебной намъ Хивы, то-есть Бухара и Кокандъ уже теперь во многомъ свободно подчиняются нашему вліянію, которое можетъ быть легко еще и увеличено ловкою и энергическою политикою. Для полнаго же успѣха нашего вліянія на Востокъ необходимо чтобы наши сосѣди и вообще всѣ среднеазіійскіе народы увидали на дѣлѣ что наше занятіе Туркестанскаго края отнюдь не временное, какъ они полагаютъ, а совершенно прочное, постоянное, вѣчное. Для сего необходима правильно устроенная русская колонизація. Сколько я знаю, мнѣ кажется, наилучшія мѣста для русскихъ поселеній, это правый берегъ Сыръ-Дарьи отъ Перовска вверхъ до Туркестана (Азретъ); потомъ по рѣкѣ Ярысу вплоть до Чимкента и Аулие-Атинскаго тракта. Затѣмъ въ Заревшанскомъ округѣ въ Міанкальской долинѣ. Такимъ образомъ насе-

* Какъ недавно прочелъ случайно въ *Голосъ*, они повторились, и повторились на тѣхъ же мѣстахъ. Не могу не подивиться что допускаются эти безпорядки, когда два, много три поста казаковъ, расположенныхъ отъ сѣверо-восточнаго угла Аральскаго моря до Уральскаго Укрѣпленія, совершенно и навсегда прекратили бы грабежи. Главный разбойничій притонъ, Большіе и Малые Барсуки, мнѣ кажется хорошо извѣстенъ мѣстному начальству.

леніе Русскихъ съ двухъ сторонъ окончательно укрѣпило бы за нами весь край; предупредило бы въ будущемъ всякія волненія между туземцами находящимися подъ нашимъ подданствомъ, волненія которыя при настоящемъ положеніи еще не разъ будутъ проявляться при всякомъ удобномъ случаѣ, и дало бы намъ прочный базисъ для дальнѣйшихъ дѣйствій въ Средней Азіи. Нѣтъ сомнѣнія, колонизація потребуетъ большихъ затратъ, но затратъ производительныхъ и подающихъ надежду на безубыточное современемъ для Россіи удержаніе края.

Земли по Заревшану извѣстны своимъ плодородіемъ, а по Сырь-Дарьѣ легко могутъ сдѣлаться плодородными, если будутъ орошаемы. Въ послѣдней указанной мною мѣстности встрѣчаются очевидные слѣды древнихъ арыковъ, которые свидѣтельствуютъ что прежде эти земли были воздѣлываемы и не представляли того вида густыхъ зарослей кустовъ и степи, какъ теперь. Для обезпеченія предлагаемыхъ мною колоній на Сырь-Дарьѣ, было бы весьма полезно перенести Фортъ № 2 и Джулекское укрѣпленіе южнѣе, если не совсѣмъ къ Буканскимъ горамъ, то въ какое-либо удобное мѣсто верстъ на полторасти или болѣе отъ занимаемыхъ ими нынѣ мѣстъ. Этой мѣрой достиглась бы двоякая цѣль: она укрѣпила бы за нами Киргизовъ кочующихъ на лѣвомъ берегу Сырь-Дарьи, съ которыхъ до сихъ поръ собираютъ дань Хивинцы и Бухарцы, и отдалила бы отъ вліянія Хивы нашихъ Киргизовъ, кочующихъ на правомъ. Небольшія селенія образовавшіяся около Форта № 2 и Джулека могли бы быть сохранены какъ административные и торговые пункты, а послѣднее кромѣ того еще какъ центръ предлагаемой колонизаціи по Сырь-Дарьѣ. Надо сознаться что за малыми исключеніями приобрѣтенный нами край уступаетъ во многомъ своимъ сосѣдямъ по отношенію къ производительности. Это одна изъ причинъ на которую указываютъ тѣ которые мечтаютъ о новыхъ для насъ завоеваніяхъ. Въ нашихъ рукахъ поднять принадлежащій намъ край и развить его природныя богатства колонизаціей, привлеченіемъ туда русскаго промышленнаго и торговаго населенія и усиленіемъ нашей торговли въ Средней Азіи.

Для успѣха торговли необходимо облегченіе доступа въ Туркестанскій край и полная безопасность нашихъ купцовъ и промышленниковъ, покаместъ хоть въ Бухарѣ и Коканѣ.

Первое совершенно въ рукахъ мѣстной администраціи, второе можетъ быть достигнуто только тогда когда въ обоихъ сихъ государствахъ наше правительство будетъ имѣть постоянныхъ резидентовъ и когда на эти должности будутъ выбраны люди знающіе край, дѣятельные, энергическіе и въ особенности такіе которые сумѣютъ пріобрѣсти значительный авторитетъ у правительствъ при которыхъ будутъ акредитованы. Наша торговля, нѣтъ сомнѣнія, весьма усилилась и увеличилась въ послѣднее время въ Средней Азіи, но вмѣстѣ произошло странное явленіе: число русскихъ торговыхъ домовъ ведущихъ торговлю въ Средней Азіи не увеличилось, но скорѣе уменьшилось, за то количество ташкентскихъ, коканскихъ и бухарскихъ купцовъ вѣзущихъ для закупки товара въ Оренбургъ, Нижній и даже въ Москву, возросло чрезвычайно. Слышанное мною объясненіе этого явленія въ Ташкентѣ отъ туземцевъ и подтвержденное въ Оренбургѣ многими тамошними купцами, издавна занимающимися или занимавшимися торговлей въ Средней Азіи, мнѣ кажется весьма правдоподобнымъ: конкуренція уменьшила барыши этой торговли, тогда какъ, исключая Ташкента, рискъ неприятности и опасности остались тѣ же что и прежде. Водвореніе нашихъ резидентовъ въ Бухарѣ и Коканѣ принесетъ большую пользу нашей торговлѣ, оградивъ безопасность нашихъ купцовъ въ сихъ двухъ государствахъ; притомъ оно еще болѣе подчинитъ ихъ нашему вліянію и черезъ нихъ откроетъ путь нашему вліянію и нашей торговлѣ въ другія сосѣднія съ этими независимыя государства.

Итакъ колонизація, облегченіе доступа въ Туркестанскій край, привлеченіе въ него русскаго населенія и расширеніе нашей среднеазійской торговли * дѣятельнымъ усиленіемъ нашего мирнаго вліянія внѣ нашихъ границъ, вотъ что необходимо для скорого и полного упроченія за нами новопріобрѣтеннаго края; иначе мы еще долго будемъ стоять только лагеремъ въ Средней Азіи, тратя на это совершенно непроизводительны большія суммы денегъ. Знаменитый Талейранъ выразился гдѣ-то: „on peut s'appuyer sur une bayonette, mais jamais s'asseoir dessus.“ Дѣйствительно штыки могутъ от-

* Я не уломинаю о свободѣ торговли, такъ какъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта отъ 22го апрѣля 1868 года, она уже дарована.

крыть дорогу, пріобрѣсти страну и наконецъ охранить ее; но они безсильны устроить и органически укрѣпить завоеванное, безъ помощи другихъ чисто мирныхъ элементовъ.

Но возвратимся къ Кокану и нашей тамъ жизни. Однообразна была эта жизнь. Скучать правда было мало времени при постоянныхъ занятіяхъ; за то въ длинныя, жаркія, безсонныя ночи часто одолѣвали грустные размышленія обо всѣхъ милыхъ сердцу, отъ которыхъ очень рѣдко достигали въ Коканѣ отдаленныя и запоздалыя вѣсти. Это впрочемъ ни для кого не интересно, и для читателя, я увѣренъ, будетъ гораздо любопытнѣе познакомиться съ однимъ нашимъ попутчикомъ, почти каждое утро приходившимъ къ намъ выпить стакана два чаю. Онъ принадлежалъ къ числу Русскихъ бѣжавшихъ изъ Россіи вслѣдствіе разныхъ причинъ и пріютившихся здѣсь. Таковыхъ прежде, до взятія Ташкента Черныевымъ, говорятъ, было очень много въ Коканѣ, и ихъ составляла преимущественно сосѣдняя Сибирь. Теперь, съ отдаленіемъ нашихъ границъ на югъ, бѣгство затруднилось, такъ что почти не слыхать о новыхъ выходцахъ. Его звали Евграфомъ, а по Кокански Мусульманъ-Куль; своей русской фамиліи и отечества онъ, несмотря на всѣ мои просьбы, ни за что не хотѣлъ мнѣ сказать. Евграфъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ бѣжалъ изъ Сибири, и побродивъ нѣкоторое время въ Камгарѣ, пришелъ въ Коканъ, гдѣ поступилъ на службу въ артиллерію, въ которой числится и до сихъ поръ въ чинѣ токсабе (капитана). Мы съ нимъ познакомились слѣдующимъ образомъ: вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Коканъ, понадобилась намъ прачка; по справкамъ оказалось что единственная прачка въ городѣ, это жена какого-то Русскаго; послали за нимъ. Явился мужчина лѣтъ пятидесяти, съ чисто славянскимъ типомъ, ясно замѣтнымъ, несмотря на тибетейку, бритую голову, халатъ и всю наружность Коканца; мы познакомились съ нимъ и потолковали не безъ удовольствія, такъ какъ его чисто русская рѣчь звучала особенно пріятно въ средѣ чуждой намъ народности. Въ началѣ однако я удалялся отъ всякаго сближенія съ Евграфомъ. Меня смущалъ его переходъ въ мусульманство и участіе въ войнахъ противъ насъ, Русскихъ. Притомъ онъ выражался всегда чрезвычайно рѣзко и неуважительно о своей новой религіи, о народѣ и даже о мѣстномъ правительствѣ, эта смѣлость и безнаказанность такихъ рѣчей въ Ко-

канъ особенно, гдѣ всѣ туземцы весьма осторожны въ своихъ выраженіяхъ, становилась невольно подозрительною. Но заболѣла у насъ лошадь, единственный коноваль въ городѣ оказался опять-таки Евграфъ. Для вывода сѣмени намъ понадобилось шить изъ миткаля разныя вещи, опять онъ. Однимъ словомъ, мало-по-малу дошло до того что каждое утро являлся Евграфъ въ то время какъ мы пили чай. Дѣло дѣломъ, а между тѣмъ стаканъ, другой выпивался вмѣстѣ, въ продолженіи чего не все же говорить о какихъ-нибудь мѣшкахъ, или о томъ купить ли сегодня гнѣдаго жеребца или нѣтъ; разговоръ переходитъ на то, на се, и часто много любопытнаго разказывалъ Евграфъ о всемъ имъ видѣнномъ и пережитомъ въ Коканѣ. Кстати разкажу вкратцѣ все слышанное мною отъ него о знаменитомъ Алимъ-Кулѣ, падшемъ подъ Ташкентомъ. Свою же исторію, онъ всегда только мелькомъ, отрывочно упоминалъ, но обстоятельнаго разказа я никакъ не могъ отъ него добиться. За чтѣ онъ былъ сосланъ на каторгу, не знаю, но несомнѣнно что онъ бѣжалъ изъ одного изъ сибирскихъ остроговъ. Евграфъ, сколько я могъ понять, былъ офицеромъ казачьей артиллеріи, служилъ на Кавказѣ, потомъ въ Западной Сибири. Дѣдъ его, природный Донецъ, былъ переведенъ при Павлѣ Петровичѣ въ Сибирское казачье войско, тогда формировавшееся. Отецъ его оставался на Дону и перечислился въ Сибирь, когда Евграфъ служилъ на Кавказѣ; при мѣру отца онъ самъ вскорѣ послѣдовалъ.

Алимъ-Кулъ былъ Киргизъ-Кипчакъ родомъ изъ деревни Карасу, около Андыджана. Когда Мали-ханъ свергнулъ съ престола брата своего Худояра, нынѣ благополучно царствующаго, и самъ занялъ его, Алимъ-Кулъ служилъ мелкимъ чиновникомъ при раисѣ города Кокана (раисъ нѣчто въ родѣ оберъ-полицеймейстера), прежде же былъ простымъ работникомъ въ домѣ одного маргелланскаго землевладѣльца. Мали-ханъ былъ дѣятельный и энергическій администраторъ, много хлопотавшій объ устройствѣ постоянного, регулярнаго войска въ Коканѣ. Доказательствомъ его дѣятельности по сему предмету могутъ служить пушки, взятые нами у Бухарцевъ въ Шриджарскомъ дѣлѣ; онѣ всѣ были коканскаго происхожденія и вылитыя при немъ. Мали-ханъ старался набирать въ офицеры формируемаго имъ войска лучшихъ людей, и между прочими, выборъ его палъ на Алимъ-Кула, который понравился хану и быстро сталъ подниматься въ чины, такъ что при

смерти его, случившейся вскорѣ, былъ уже токсабе. Алимъ-Куль былъ въ числѣ тѣхъ которые послѣ смерти Малли-хана провозгласили ханомъ сына его, молодого Шаймурата. Но приверженцы Худояра, жившаго тогда въ Бухарѣ, одержали верхъ: Шаймуратъ былъ убитъ, и изгнанникъ Худояръ снова занялъ престолъ. Алимъ-Куль вмѣстѣ со многими долженъ былъ бѣжать; но вмѣсто того чтобы направиться въ Бухару или Кашгаръ, привычныя убѣжища коканскихъ политическихъ изгнанниковъ, онъ ушелъ въ горы, съ однимъ изъ высшихъ гражданскихъ чиновниковъ прошлаго царствованія, именно съ природнымъ Ташкентцемъ Шатманъ-Датхой, котораго уму и опытности приписывали въ послѣдствіи успѣхи Алимъ-Кула. Весь тогдашній Коканъ подчинился безропотно Худояръ-хану; въ горахъ къ сѣверу все казалось спокойнымъ, какъ вдругъ съ горъ спустились толпы вооруженныхъ людей, провозгласили ханомъ малолѣтняго сына Малли-хана, Султанъ-Сеида, и начали забирать деревни около Андыджана. Худояръ-ханъ вышелъ съ войскомъ противъ бунтовщиковъ, былъ разбитъ на голову и только послѣ неимоверныхъ трудностей спасся съ горстью приверженцевъ и возвращался въ Коканъ. Вскорѣ вся восточная часть ханства: Наманганъ, Маргелланъ и Андыджанъ были въ рукахъ Алимъ-Кула, и его разѣзды безпрепятственно появлялись подъ стѣнами самаго Кокана.

Худояръ-ханъ обратился съ просьбой о помощи къ Бухарскому эмиру, который въ зиму 1861—1862 года явился въ Коканъ съ многочисленнымъ войскомъ. Алимъ-Куль избѣгалъ генеральнаго сраженія и занялъ со своими крѣпкую позицію въ предгоріи, къ сѣверу отъ Кокана, изъ которой эмиръ не въ состояніи былъ его выбить, несмотря на неоднократныя попытки. Между тѣмъ Алимъ-Куль не допускалъ Бухарцевъ къ прочному водворенію въ краѣ, и всюду гдѣ они встрѣчались, уничтожалъ мелкіе ихъ отряды. Весной 1862 года эмиръ удался со всѣмъ своимъ войскомъ, а съ нимъ и Худояръ-ханъ. Тотчасъ послѣ ихъ ухода, Коканъ былъ занятъ безъ сопротивленія, и все ханство безпрепятственно признало двѣнадцатилѣтняго Султанъ-Саида своимъ ханомъ. Подъ именемъ сего малолѣтняго владыки, Алимъ-Куль одинъ правилъ всѣми дѣлами государства. Другу своему-Шатманъ-Датхѣ, онъ перерѣзалъ горло. На Востокѣ никакая дружба не можетъ устоять противъ соперничества въ дѣлѣ власти. Алимъ-Куль слѣдовалъ въ своей политикѣ видамъ покойнаго Малли-хана; онъ

водворилъ въ ханствѣ общественное спокойствіе и безопасность, что было великимъ благодѣяніемъ послѣ многихъ лѣтъ войнъ, безпорядковъ и смуты, и затѣмъ дѣятельно занялся устройствомъ войска и финансовъ; но обстоятельства помѣшали ему сдѣлать что-нибудь прочное для своего отечества. Вопреки своей воли, онъ былъ вовлеченъ народнымъ фанатизмомъ въ войну съ Русскими, и весной 1865 года, подходя съ войскомъ къ Ташкенту, принужденъ былъ принять сраженіе съ генераломъ Черняевымъ. Нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ ракетной команды Оренбургской казачьей артиллеріи привели въ бѣгство всю его конницу. Алимъ-Куль, не защищенный съ одного фланга, рѣшился съ пѣхотой и артиллеріей запереться въ Ташкентѣ и сталъ отступать. Находясь во время отступленія въ арріергардѣ, онъ былъ раненъ двумя пулями и умеръ нѣсколько дней спустя въ Ташкентѣ, всего 35 лѣтъ отъ роду. Замѣчательно что его полуживаго, собственные его солдаты бросили въ одномъ изъ домовъ Ташкентской крѣпости, ограбивъ его дочиста. Алимъ-Куль, предъ которымъ дрожало все Коканское ханство, умеръ одинъ, на тростниковой циновкѣ, едва прикрытый какимъ-то рубищемъ. Вскорѣ послѣ его смерти былъ взятъ Ташкентъ, въ которомъ во время штурма не было регулярнаго коканскаго войска. Оно все, еще за нѣсколько дней, разбѣжалось. Городъ защищали одни его жители.

Много еще мнѣ разказывалъ Евграфъ объ осадѣ Ташкента Черняевымъ; о защитѣ Ташкентской крѣпости. Онъ былъ одинъ изъ послѣднихъ которые бѣжали при началѣ штурма; самое бѣгство крайне интересно; но статья моя вышла такъ длинна, что я принужденъ во многомъ сокращать мои повседневныя путевыя записки.

Кромѣ Евграфа, въ Коканѣ было еще нѣсколько нашихъ казанскихъ Татаръ. Я постарался ихъ видѣть. Это были все люди очень тихіе, занимающіеся тамъ мелочною торговлей и бѣжавшіе изъ Россіи отъ рекрутства. Большая часть изъ нихъ мнѣ высказала глубокое сожалѣніе о побѣгѣ. Особенно одинъ со слезами говорилъ мнѣ о своемъ желаніи вернуться на родину, гдѣ у него семейство, отецъ, мать, братья, сестры. Къ несчастью, я ничего не могъ ему сказать въ утѣшеніе. Евграфъ тотъ не вдавался въ такія нѣжности, хотя съ большимъ любопытствомъ спрашивалъ меня о нашихъ желѣзныхъ дорогахъ.

— Какъ бы вотъ хотѣлось, говорилъ онъ часто, рассматривая новѣйшую карту Россіи,—прокатиться по чугункѣ; эдакъ отъ Одессы вплоть до Петербурга. Дорого бы далъ.

Я не разъ предлагалъ свое слабое заступничество при Туркестанскомъ генераль-губернаторѣ.

— Нѣтъ, отвѣтитъ всегда Евграфъ, махнувъ рукой,—меня не простятъ, а напрасно, я бы могъ не одну еще службу имъ сослужить. Противъ меня, кромѣ старыхъ грѣховъ, могутъ сказать что я ходилъ войной противъ Русскихъ. Это вѣрно, но какъ Богъ святъ, я ни одного заряда противъ Русскихъ не выпустилъ, а пользу не малую имъ принесъ. Черняеву вскорѣ послѣ взятія Ташкента далъ знать о многомъ очень важномъ. Послѣ генералу Мантейфелю—тоже. Это все у нихъ тамъ въ штабѣ должно значиться. Затѣмъ здѣсь каждому Русскому что могу, то дѣлаю. И все же кажется придется здѣсь съ этими собаками всю жизнь горе мыкать, пока Богъ не приберетъ.

Въ числѣ обстоятельствъ нарушившихъ однообразіе нашей жизни въ Коканѣ была казнь семи муштинъ и одной женщины, совершенная въ одинъ день, въ среду 27 мая. Надо сказать что въ Коканѣ смертныя казни случаются очень часто, и всегда въ базарные дни; однажды, въ недѣлю, то-есть въ четыре базара, я насчиталъ шестнадцать смертныхъ казней, и вообще рѣдкій базаръ проходилъ чтобы не казнили кого-нибудь. Говорятъ прежде было еще болѣе, а въ Бухарѣ и до сихъ поръ казни случаются чаще, чѣмъ въ Коканѣ. Полковникъ Носовичъ, бывшій начальникомъ посольства, посланнаго въ Бухару въ нынѣшнее лѣто, разказывалъ мнѣ что и его частыя смертныя казни поразили въ Бухарѣ, и что разъ онъ въ разговорѣ замѣтилъ это состоявшему при немъ бухарскому чиновнику. Чиновникъ очень серьезно ему отвѣчалъ: „эмиръ такой высокій человѣкъ, что изъ уваженія къ своему сану, обязанъ ежедневно подписать хоть одинъ смертный приговоръ“. Въ Коканѣ также смертная казнь совершается не иначе какъ по приговору подписанному самимъ ханомъ.

Въ базаръ сей знаменитой среды, 27го мая, мы просили нашего хозяина купить намъ пудовъ 20 коконовъ; съ нимъ отправился и нашъ переводчикъ Султанъ. Часа черезъ два вернулся Султанъ, блѣдный и сильно встревоженный. Онъ своими глазами видѣлъ какъ вблизи его, на базарѣ, палачъ перерѣзалъ горло какому-то человѣку и ногой толкнулъ трупъ, въ которомъ были еще признаки жизни. Такъ большею частью

совершается смертная казнь въ Коканѣ; причемъ тѣло остается на мѣстѣ казни до слѣдующаго вечера. Впрочемъ употребляется также висѣлица, разстрѣліаніе, закапываніе половецки тѣла въ землю, и проч. Наказанія на Востокѣ были всегда чрезвычайно разнообразны. Чтобы объяснить сильное впечатлѣніе произведенное на Султана, надо сказать что онъ женатъ на дочери извѣстнаго Хаджи-Назара (оренбургскаго мѣщанина), бывшаго переводчикомъ при трехъ Италіянцахъ сидѣвшихъ такъ долго въ плѣну въ Бухарѣ, который онъ съ ними раздѣлилъ, и съ ними же въ послѣдствіи былъ освобожденъ. Италіянцы, убѣдясь на дѣлѣ въ честности и добросовѣстности Хаджи-Назара, послали его одного въ Бухару съ большою суммой денегъ для покупки тамъ сѣмени шелковичныхъ червей. Это было въ 1866 году, когда мы были въ войнѣ съ Бухарой. Бухарское правительство воспользовалось непріятными съ нами дѣйствіями, чтобы схватить Хаджи-Назара и перерѣзать ему горло, подъ предлогомъ что онъ русскій шпіонъ. Такъ какъ въ Средней Азіи всюду имущество казеннаго принадлежитъ правительству, то въ кассу эмира поступили не только болѣе 20.000 р. италіянскихъ денегъ бывшихъ у Хаджи-Назара, но и значительная сумма принадлежавшая ему самому и взятая имъ для торговыхъ дѣлей. Ничего изъ этого имущества не было возвращено наслѣдникамъ Хаджи-Назара по замиреніи съ Бухарой.

— Какъ посмотрѣлъ я на этого бѣдняка, со слезами приговаривалъ Султанъ, — такъ и вспомнилъ несчастнаго моего тестя. И его также, вѣрно, толкнулъ ногой палачъ, и его тѣло валялось также на базарѣ.

Насилу могли мы его успокоить. Казнено было въ эту памятную среду семь мушницъ и одна женщина: изъ нихъ четверо за воровство, а трое мушницъ и женщина за прелюбодѣяніе. О послѣднихъ слѣдуетъ разказать подробнѣе. Жила одна женщина въ Коканѣ; мужъ ея и отецъ уѣхали торговать въ Кашгаръ, а она, одинокая, скучала въ домѣ; сосѣдомъ ея былъ старикъ Коканецъ, который, несмотря на запрещенія пророка, пропилъ все свое небольшое состояніе и принужденъ былъ, чтобы продолжать пьянствовать, прибѣгать ко всякимъ средствамъ. Примѣтилъ онъ одинокую женщину и сталъ ее соблазнять: „приходи ко мнѣ, у меня найдешь молодыхъ людей, повеселишься“, и проч. Женщина не устояла и стала ходить къ старику, гдѣ встрѣчалась съ разнымъ

народомъ. Сынъ старика, десятилѣтній мальчикъ, побитый за что-то отцомъ, въ отомщеніе, донесъ полиціи. Полидейскіе явились очень ловко и застали въ домѣ старика несчастную женщину и двухъ молодыхъ людей. По здѣшнимъ законамъ всѣхъ четырехъ казнили. Хорошо однако сынъ!

Нашъ хозяинъ насъ очень убѣждалъ посмотреть на одного изъ казненныхъ,—къ стыду нашему долженъ сознаться, мы поѣхали. Долго такъ и носился предъ глазами этотъ съжившійся, обезображенный трупъ, лежавшій въ пыли на углу двухъ крытыхъ рядовъ базара; а вокругъ шумъ, крикъ, движеніе, постоянный говоръ безпрестанно мѣняющейся толпы, не обращавшей ни малѣйшаго вниманія на бранные остатки казненнаго; однимъ словомъ, рамкой смерти была живымъ потокомъ отсюду бьющая жизнь. Тяжелое было это впечатлѣніе и нелегко было отдѣлаться отъ грустныхъ мыслей которыя оно зарождало.

Замѣчательнѣе всего что странное стеченіе обстоятельствъ связало насъ съ казенною бѣдною женщиной. Два послѣ памятной среды, вечеромъ пришелъ къ намъ, какъ обыкновенно, Аширъ-Ходжа и съ таинственнымъ видомъ разказалъ намъ слѣдующее, слышанное имъ, какъ онъ говорилъ, тому назадъ нѣсколько минутъ отъ вѣрныхъ людей: Мальчикъ донесъ раису что къ отцу его ходятъ на свиданіе съ женщиной двое Русскихъ, высокаго роста, живущихъ не въ караванъ-сараѣ, какъ всѣ иностранцы, а на частной квартирѣ. Во всемъ Коканѣ только мой зять и я жили въ частномъ домѣ. Указаніе на насъ было очевидно; но далѣе, раисъ, зная какъ мы были почетно приняты ханомъ, не рѣшился насъ арестовать на мѣстѣ преступленія, а послѣшилъ доложить обо всемъ хану. Ханъ якобы рѣшилъ послать чиновника сказать намъ что мы хотя и гости его, не должны однако злоупотреблять получаемымъ гостепріимствомъ; проступокъ нашъ онъ намъ прощаетъ, ибо мы не знаемъ коканскихъ законовъ; между тѣмъ приказалъ раису выслѣдить не бываютъ ли кромѣ насъ другіе на свиданіяхъ у старика, и тогда тѣхъ безжалостно арестовать и казнить. Раисъ такъ и поступилъ. Какъ только мы ушли отъ старика, вслѣдъ за нами пришло двое туземцевъ. Ихъ всѣхъ тотчасъ схватили и на другой день казнили. Народъ, прибавилъ таинственно Аширъ-Ходжа, очень негодуетъ что Русскихъ прощаютъ, оставляютъ безъ всякаго наказанія, а нашихъ казнятъ.

Послѣднія слова почтеннаго часовщика всего болѣе меня заинтересовали. Теперь объяснялось почему въ эти два дня, встрѣчаемые нами на нашихъ поѣздкахъ въ садъ были особенно дерзки. Нѣтъ нужды говорить что весь разказъ, по крайней мѣрѣ во всемъ касающемся до насъ, былъ ложень отъ начала до конца. Ханъ не присылалъ къ намъ никакого чиновника, и мы кромѣ поѣздокъ въ садъ, съ цѣлою свитой, никуда никогда не ѣздили; все это было отлично извѣстно самому разказчику, который бывалъ у насъ и утромъ, и вечеромъ, каждый день. Грѣшный человѣкъ, меня эта глупая сплетня несказанно взорвала, и я тутъ же объявилъ какъ Аширъ-Ходжѣ, такъ и всѣмъ присутствовавшимъ что завтра же напишу объ этой сплетнѣ хану, прося его приказать разслѣдовать такую обидную для насъ клевету, и буде возможно, оградить насъ на будущее время отъ таковыхъ незаслуженныхъ нареканій; также, прибавилъ я, — я напишу объ этомъ Мурзѣ-Хакиму въ Ташкентъ.

Такое заявленіе произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ. Отвсюду посылались увѣщанія не писать никому, и въ заключеніе Аширъ-Ходжа объяснилъ что онъ нѣсколько преувеличилъ разказъ который слышалъ не совсѣмъ такъ какъ передалъ, но теперь онъ совершенно все припомнилъ и можетъ положительно завѣрить что ему указывали на Русскихъ живущихъ въ караванъ-сарай, а никакъ не на насъ. Избави Богъ. Вся бѣда въ томъ что онъ насъ такъ любитъ и уважаетъ что всюду видитъ насъ однихъ. Я однако не сдался на эти увѣренія, и мы разошлись довольно поздно при положительномъ заявленіи съ моей стороны что завтра непременно напишу и пошлю предположенные письма. Коканцы ушли, повторяя неоднократно: „бай, бай“, что у нихъ знакъ отчаянія. На завтра однако никакихъ писемъ я не написалъ. Рано утромъ пріѣхалъ къ намъ самъ мехтаръ, съ такими положительными завѣреніями что это сплетня, и сплетня не дошедшая до хана, что я долженъ былъ принять его объясненія; тѣмъ дѣло и кончилось.

Послѣ разказаннаго мною случая подумаютъ пожалуй что строгая нравственность и полная чистота нравовъ царствуютъ въ Коканѣ, — далеко нѣтъ. Одно изъ главныхъ удовольствій въ Средней Азіи смотрѣть на танцы батчи. Батчи, мальчики отъ 12 до 15 лѣтъ которыхъ ремесло—танцовать въ частныхъ собраніяхъ, причемъ они иногда показываются и танцуютъ въ женскихъ костюмахъ и въ парикахъ, съ длинными ко-

сами, впрочемъ истинные любители ихъ танцевъ предпочитаютъ мужской костюмъ и признають введеніе женскаго какъ извращеніе древняго, чистаго вкуса. Танцы сами по себѣ очень граціозны и происходятъ подъ нѣсколько монотонную музыку съ нескончаемымъ повтореніемъ одной и той же фразы, измѣняющійся только нѣ ритмъ; фразы впрочемъ довольно пріятной для слуха; оркестръ состоитъ изъ нѣкотораго подобія виолончеля, бубень и литавръ. Зрѣлище плясокъ было бы ничего еще, но при этомъ, присутствующая публика просто отвратительна своими громкими и страстными изъясненіями восторга. Генераль Черняевъ, вскорѣ послѣ взятія Ташкента, счелъ необходимымъ издать прокламацію въ коей на основаніи корана запрещалъ батчей, подъ страхомъ строгаго наказанія. Прокламація эта произвела чуть не возмущеніе въ Ташкентѣ, къ Черняеву явилась депутація отъ города съ просьбой отмѣнить запрещеніе. Запрещеніе однако осталось. Батчи преслѣдуются, впрочемъ, и коканскимъ правительствомъ, и подвергаются исправительному наказанію, какъ на примѣръ, временному заключенію, отдавъ въ работы на срокъ, а всего чаще отдавъ въ солдаты.

Мнѣ бы слѣдовало теперь разказать мои поѣздки въ Коканъ и окрестныхъ его деревняхъ для наблюденія за выводомъ для насъ туземцами сѣмени шелковичныхъ червей, но онѣ имѣли чисто спеціальный интересъ, не представляли ничего особенно любопытнаго и были чрезвычайно утомительны отъ ежедневно усиливающейся жары, особенно когда приходилось ѣздить въ нѣсколько отдаленныя мѣста. Хотя выводъ сѣмени у всѣхъ производился женщинами, но мы никогда ни одной изъ нихъ не видали. Ихъ всегда тотчасъ при нашемъ появленіи куда-то прятали. Не разъ приходилось ждать у дверей сакли, на солнцѣ, пока прекрасный полъ скроется, и намъ можно будетъ безпрпятственно войти. Долженъ заявить что большею частью я не имѣлъ повода жаловаться въ этихъ поѣздкахъ; указанія мои исполнялись, тѣмъ болѣе что я не противился тѣмъ мѣстнымъ обычаямъ которые были безвредны, какъ на примѣръ обычай класть листь яблони, даже цѣлая вѣтви между бабочками, выходящими изъ коконъ, или отчитываніе бабочекъ выдержками изъ корана. Я добивался всего болѣе хорошей сортировки коконъ по цвѣтамъ и отбраковки дурныхъ; и въ этомъ успѣвалъ.

Прежде чѣмъ кончить эту столь длинную главу, скажу нѣ-

сколько словъ о ночахъ въ Коканѣ. Чудныя были ночи, рѣдко бывало маленькій вѣтерокъ пробѣжить по высокимъ то полямъ сосѣднихъ дворовъ, часто пламя свѣчи на террасѣ оставалось неподвижнымъ. Быстро, точно сразу разливалась ночная темнота, къ несчастью прохлада медленно, только къ полуночи брала окончательно верхъ надъ жаромъ, исходящимъ отъ накалившихся за день стѣнъ. Душны, томительны были ночи въ Коканѣ, но вмѣстѣ полны какой-то сладострастной нѣги. Нигдѣ не видалъ я такого яркаго свѣта луны, съ такимъ золотистымъ отливомъ какъ здѣсь. Какая притомъ мягкость въ свѣтѣ, а въ темную, безлунную ночь, какое яркое мерцаніе звѣздъ, на темно-синемъ, глубокомъ небѣ. Чудныя были ночи дѣйствительно, но за то и шумны какъ нигдѣ. Днемъ въ городѣ нигдѣ не видать собакъ, но какъ только совсѣмъ стемнѣетъ и на мечетяхъ прокричатъ призывъ на послѣднюю молитву, повсемѣстный и самый разнообразный лай поднимается надъ городомъ и продолжается до свѣта. Собаки въ Коканѣ имѣютъ ту особенность что онѣ не бѣгаютъ всюду, по улицамъ, а только по крышамъ и стѣнамъ отдѣляющимъ дворы. Часто бывало слѣдилъ я какъ онѣ искусно и скоро перебѣгали вдоль нашего двора по стѣнѣ, бывшей не болѣе четверти толщины. Непрестанному лаю вторили тоже непрестанно повторявшіеся рѣзкіе густые звуки большихъ барабановъ, въ которые коканскіе караульщики колотятъ всю ночь, раздѣляя свои удары короткими паузами. Долго смущалъ меня этотъ шумъ, но потомъ я привыкъ и сталъ даже находить нѣкоторую тоскливую прелесть въ этихъ звукахъ, звонко раздававшихся въ величавомъ спокойствіи южной ночи. Къ разсвѣту лай и барабанъ прекращались совершенно, и послѣ громогласныхъ привѣтствій дневному свѣтилу со стороны лѣтуховъ, которыхъ, мнѣ кажется, миллионы въ Коканѣ, полная тишина воцарялась надъ городомъ.

IV.

Начало послѣдней недѣли нашего пребыванія въ Коканѣ ознаменовалось однимъ происшествіемъ, которое произвело на всѣхъ насъ и на всѣхъ Русскихъ бывшихъ въ городѣ глубокое впечатлѣніе. Надо прежде сказать что въ одномъ караванъ-сарай, повѣренный московскаго торговаго дома

Штукенъ и Шписъ, г. Келлеръ, съ изряднымъ количествомъ русскихъ прикащиковъ, занимался въ большихъ размѣрахъ выводомъ сѣмени шелковичныхъ червей изъ покупныхъ коконовъ. Онъ и его прикащики покупали коконы сотнями лудовъ на базарахъ, не только самого города Кокана, но и окрестныхъ деревень. Полторы недѣли тому назадъ, одинъ изъ прикащиковъ Келлера, Сартъ, родомъ изъ Ташкента, получилъ въ Маргелланѣ тяжелую рану ножомъ въ горло, а въ субботу, 6го (18го) іюня, на базарѣ деревни Рештанъ (въ 25 верстахъ отъ Кокана), другой прикащикъ, Русскій, нѣкто Потуловъ, получилъ четыре сильныхъ удара ружейнымъ стволомъ по головѣ. Нпаденіе на Потулова было произведено безъ малѣйшаго вызова съ его стороны, какимъ-то фанатикомъ, который открыто объявилъ что убійствомъ кафира желалъ пріобрѣсти награду въ жизни за гробомъ, и съ радостью готовъ быть казненнымъ. Народъ схватилъ преступника и передалъ его мѣстному начальству.

На другой день этого происшествія, 7го іюня, въ воскресенье утромъ пріѣхалъ ко мнѣ Келлеръ просить лѣкарства для бѣднаго Потулова. Я не зналъ что дать и что посовѣтовать. Раны были глубокія и притомъ на головѣ; раненый былъ въ совершенномъ безпамятствѣ и съ явными признаками горячечнаго состоянія. При такомъ положеніи лѣчить больного нашему брату не доктору—страшно. Я посовѣтывалъ класть ледъ на голову, далъ успокоительную примочку и прохладительное питье. Между тѣмъ извѣстіе о происшествіи въ Рештанѣ быстро разнеслось по городу, былъ базарный день, народъ замѣтно волновался, и Келлера на его пути изъ сарая ко мнѣ ругали жестоко. Въ добавокъ рабочіе его заведенія, а ихъ у Келлера было тогда до двухсотъ человѣкъ, выказывали явное неповиновеніе, а начальство ступевывалось и не принимало никакихъ мѣръ. Келлеръ, разказывая мнѣ все это, былъ очень взволнованъ и объявилъ что всѣ его прикащики еще болѣе поражены чѣмъ онъ, и многіе заявили желаніе возвратиться въ Ташкентъ, видя что здѣсь могутъ пропасть совершенно даромъ. Извѣстія эти меня крайне озадачили. Сколь возможно я старался успокоить Келлера и, кажется, онъ уѣхалъ отъ меня въ лучшемъ духѣ чѣмъ пріѣхалъ. Я ожидалъ серіознаго волненія въ городѣ въ тотъ же самый день, однако все прошло спокойно, и у насъ въ обычныхъ занятіяхъ, хотя наши Татары сильно призадумались. На другой

день утромъ явился ко мнѣ посланный отъ мехтара просить меня къ нему. По объясненію посланнаго, мехтаръ просилъ моего содѣйствія чтобы дружески уладить съ Келлеромъ дѣло о нанесенныхъ прикащику его Потулову ранахъ. Я велѣлъ сдѣлать и тотчасъ же поѣхалъ съ нашимъ хозяиномъ, который вызвался меня проводить, такъ какъ кромѣ переводчика никого не было дома изъ людей.

Пріемъ былъ чрезвычайно радушный, и какъ водится по восточному обычаю, прежде чѣмъ говорить о дѣлѣ былъ продолжительный обмѣнъ самыхъ кудрявыхъ любезностей. Наконецъ мехтаръ разказалъ о нападеніи на Потулова, нисколько не отрицая что оно ничѣмъ не было вызвано.

— Преступникъ взятъ, прибавилъ онъ, — и по приказанію хана скованъ по рукамъ и ногамъ. Какъ вы думаете что надо съ нимъ теперь дѣлать?

— Поступить по закону, отвѣчалъ я, — ни Келлеръ, ни я, да и никто не будетъ въ состояніи сказать что-либо противъ васъ, если преступникъ будетъ наказанъ по законамъ вашимъ.

— По шаріату у насъ сумашедшіе не наказываются смертію, а у него признаки помѣшательства.

— Достоверны ли они? возразилъ я.

— Тѣмъ не менѣе, продолжалъ мехтаръ, какъ бы не слышавъ моего замѣчанія, — хану угодно казнить преступника смертію въ первый базарный день, чтобы показать всѣмъ какъ онъ дорожитъ дружбой Русскихъ и какъ наказываетъ всякое на нихъ нападеніе. Можно даже будетъ отдать его Келлеру, если тотъ сего пожелаетъ. Пусть онъ съ нимъ дѣлаетъ что ему угодно. Только одно было бы желательно чтобы не увозили раненаго въ Ходжентъ, какъ о томъ мнѣ объявилъ сегодня помощникъ Келлера. Ханъ дастъ своего доктора, велитъ отвести хорошее помѣщеніе, хоть цѣлый домъ; дастъ денегъ на лѣкарства сколько нужно. Однимъ словомъ, мы сдѣлаемъ все что только возможно для выздоровленія и успокоенія больнаго, который и безъ того, какъ я слышалъ, чувствуетъ себя сегодня гораздо лучше. Я именно о томъ и хочу просить васъ, прибавилъ мехтаръ, — уговорите пожалуйста Келлера оставить Потулова здѣсь и не возить въ Ходжентъ.

— Получивъ такой пріемъ отъ хана и отъ васъ, отвѣчалъ я, — я не могу отказать въ моемъ содѣйствіи, какъ оно ни сла-

бо, но никакъ не для того чтобъ оставить Потулова здѣсь, и нахожу что вы напрасно этого желаете. Сохраненіе здоровья больного, можетъ-быть даже самой жизни его, зависитъ отъ перенесенія въ Ходжентъ, гдѣ есть доктора и лѣкарства, чего здѣсь, въ Коканѣ, нѣтъ.

Мехтаръ, видя что я не соглашаюсь на этотъ пунктъ, сталъ просить меня убѣдить Келлера удовольствоваться удовлетвореніемъ какое ханъ назначилъ, и вообще уладить это дѣло такъ чтобы жалобъ не было.

Я согласился ѣхать, но прежде заявилъ надежду что мехтаръ приметъ свои мѣры чтобы мы, Русскіе, впередъ не только не подвергались въ Коканѣ такого рода покушеніямъ на нашу жизнь какъ несчастное происшествіе съ Потуловымъ, но и были ограждены отъ оскорбленій которыя мы встрѣчаемъ всякій разъ какъ выходимъ на улицу, и въ доказательство послѣдняго, привелъ примѣръ Келлера.

— Мы предупреждали Келлера, отвѣчалъ мехтаръ,—чтобъ онъ и его прикащики иначе не ѣздили по деревнямъ какъ взявъ съ собою одного изъ нашихъ людей; онъ ѣздилъ одинъ и слышалъ брань. Вездѣ есть люди дурные, а у насъ въ деревняхъ еще не привыкли видѣть Русскихъ.

— Я говорю о Коканѣ городѣ, возразилъ я,— и въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе вѣрю Келлеру что самъ на себѣ испыталъ неоднократно какъ въ Коканѣ ругаютъ Русскихъ.

— И ханъ, и я, возразилъ мехтаръ, пожимая мнѣ руку,—будемъ вамъ очень благодарны, если вы съѣздите въ сарай и дадите мнѣ отвѣтъ.

Я отправился, взявъ съ собою двухъ чиновниковъ, которые должны были сообщить мехтару результатъ моего посольства. Въ сараѣ я нашелъ Келлера и всѣхъ русскихъ прикащиковъ въ большомъ волненіи. Наканунѣ вечеромъ, при раздачѣ ужина, рабочіе открыто взбунтовались, переломали всю посуду, и только вслѣдствіе внимательства полиціи дѣло обошлось безъ серьезныхъ послѣдствій. Положеніе Потулова было далеко не такъ утѣшительно какъ о немъ отзывался мехтаръ. Полный упадокъ силъ, безпамятство, лихорадочное состояніе и нѣкоторое нагноеніе, начинающее показываться на глубокихъ ранахъ, предвѣщали скорый дурной исходъ, притомъ больной былъ слабаго, болѣзненного сложенія. Объ удержаніи его въ Коканѣ не могло быть и рѣчи, напротивъ, я посовѣтовалъ Келлеру отправить его немедленно въ Ходжентъ, это была един-

ственная надежда на его выздоровленіе. Когда же я заговорилъ о мехтарѣ, тутъ посыпались со всѣхъ сторонъ самыя нелестныя отзывы объ этомъ сановникѣ, отказывавшемъ имъ прежде во всякой помощи и всегда сладкомъ на словахъ, на дѣлѣ оказывавшемъ имъ во всемъ противодѣйствіе. Не безъ труда убѣдилъ я всѣхъ что теперь не время считать старые грѣхи, и необходимо позаботиться объ ихъ безопасности и о предупрежденіи случаевъ подобныхъ происшествію съ Потуловымъ и вчерашнему бунту. Послѣ долгихъ разсужденій, слѣдующій отвѣтъ былъ переданъ мехтарскимъ чиновникамъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ проглотившимъ во время разговора изрядное число чашекъ зеленого чая: Келлеръ не имѣетъ никакого права ни требовать, ни назначать никакого наказанія виновнику въ неслыханномъ нападеніи на Потулова,—это дѣло законовъ. Также не имѣетъ права требовать вознагражденія за увѣщье Потулова,—это дѣло его самого, если выздоровѣетъ; а если умретъ—его родственниковъ, и вообще русскаго правительства. Онъ же, Келлеръ, проситъ мехтара о томъ о чемъ всегда просилъ: о назначеніи караула къ сараю, въ которомъ занимается и въ которомъ у него сложено до четырехъ тысячъ пудовъ коконовъ, стоящихъ по крайней мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ рублей и принадлежащихъ его довѣрителямъ. Видя строптивость своихъ рабочихъ и волненіе царствующее въ народѣ, онъ постоянно опасается разграбленія или поджога.

Чиновники спросили сколько нужно людей; условились что четырехъ довольно, и я уѣхалъ домой. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сарая, несмотря на присутствіе чиновниковъ мехтара, какой-то прохожій съ громкими ругательствами замахнулся на меня камнемъ, его кто-то удержалъ. Оба чиновника объяснили мнѣ что это сумашедшій и вызвались проводить меня, но просили ѣхать поскорѣй. Крупною рысью поѣхали мы по базару домой; во всю дорогу, сколько я могъ замѣтить, только и видны были сердитые и дерзкіе взгляды.

Посѣщеніе сарая произвело на меня весьма тяжелое впечатлѣніе. Замѣтно было что враждебное броженіе гуляетъ по народу: при такомъ настроеніи достаточно было какого-нибудь незначительнаго случая чтобъ это броженіе высказалось грабежомъ сарая и убійствомъ всѣхъ тамъ живущихъ Русскихъ. Въ доказательство способности коканскаго городского населенія къ уличнымъ революціямъ, можно указать на тотъ

фактъ что въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, предшествовавшихъ взятію Ташкента Русскими, въ Коканѣ было восемьдесятъ хановъ. Рѣдкая перемѣна правленія происходила безъ грабежей и убійствъ. Собственно мы въ данномъ случаѣ врядъ ли подвергались серіозной опасности. Притомъ Потуловъ былъ первый Русскій на котораго открыто напалъ Сартъ въ Коканѣ. Прежде, особенно въ первое время пріѣзда въ Коканѣ русскихъ купцовъ, они подвергались не только самымъ грубымъ ругательствамъ, но въ нихъ кидали грязью и камнями, однако изъ-за угла, открытаго же нападенія никогда не было. Происшествіе съ Потуловымъ принадлежитъ къ такого рода фактамъ которые затягивали, такъ-сказать, заставляли наше правительство расширяться къ юго-востоку. Вопреки всему тому что говорятъ иностранные журналы о глубоко задуманномъ планѣ дѣйствій на Востокъ и исполняемомъ со строгою послѣдовательностью, Россія распространялась почти по принужденію и противъ своей воли. Очень жаль что у насъ нѣтъ полной исторіи этого постепеннаго приращенія нашего великаго отечества съ юго-восточной стороны. Всякій желающій ознакомиться съ этимъ предметомъ долженъ довольствоваться отрывочными и разбросанными свѣдѣніями, которыя мало кому извѣстны. Только громкіе подвиги генерала Черняева, и особенно впечатлѣніе произведенное имъ въ Англіи, обратило вниманіе русской публики на наши среднеазіійскія пріобрѣтенія. Прежде о нихъ не знали почти никто, хотя въ этой дальней странѣ и до Черняева свершались подвиги, ничѣмъ не уступающіе тѣмъ которые прославили Варренъ Гастингса и Клейда въ Англіійской Индіи, и извѣстные всей читающей нашей публикѣ; укажу хоть на Узань-Агачское дѣло. Я этимъ нисколько не хочу уменьшать достоинство генерала Черняева, напротивъ я нахожу что онъ недостаточно оцѣненъ у насъ. Довольно прожить хоть мѣсяцъ въ этомъ краѣ чтобъ убѣдиться что имя его еще живо въ памяти туземцевъ не только нашего Туркестана, но и Кокана, и вообще въ Средней Азіи. Черняевъ въ своихъ успѣхахъ много обязанъ тому обаянію * которое онъ

* У насъ въ Россіи думаютъ что на Востокъ власть должна быть окружена нѣкоторымъ ореоломъ. Это, говорятъ, необходимо чтобы подѣйствовать на воображеніе Азіятцевъ. Мнѣ кажется что эти ходы совершенно ненужны. Черняевъ, который держалъ себя чрез-

умѣлъ внушить туземцамъ и которое живо сохранилось до сихъ поръ. Онъ располагалъ ничтожными силами, однако съ горстью людей онъ не только умѣлъ брать многочисленные города, но и удерживать ихъ въ полномъ и совершенномъ повиновеніи. Имя его до сихъ поръ сила въ Средней Азіи. Но и до него были скромные дѣятели, которые много работали русскому дѣлу въ этомъ отдаленномъ и неизвѣстномъ краѣ. Я упомянулъ о Узанъ-Агачскомъ сраженіи. Позволю себѣ рассказать о немъ со словъ пріятеля моего Евграфа, который тогда былъ помощникомъ начальника коканской артиллеріи. Вскорѣ послѣ взятія Вѣрнаго (Алматы), осенью 1860 года, коканское правительство вознамѣрилось отнять его у Русскихъ и послало сильную армію подъ начальствомъ Канъ-Агата противъ этой еще не вполне отстроенной тогда крѣпости. Армія состояла изъ восьмидесяти тысячъ пѣхоты и кавалеріи при 40 орудіяхъ. Подходя къ укрѣпленію Кастекъ, Канъ-Агатъ не хотѣлъ останавливаться для такого ничтожнаго пункта, въ которомъ былъ весьма слабый гарнизонъ, и пройдя нѣсколько верстъ далѣе, расположился лагеремъ. Вечеромъ, въ ставкѣ коканскаго военачальника былъ собранъ военный совѣтъ, всѣ бии и начальники собрались на немъ и наполнили всю обширную палатку. Канъ-Агатъ послалъ за Евграфомъ.

— Скажи пожалуйста, обратился онъ къ нему, — выйдутъ ли къ намъ на встрѣчу Русскіе, или залгутъ въ Алматахъ?

— Я думаю что выйдутъ, отвѣчалъ Евграфъ.

— Дай руку, съ живостью возразилъ Канъ-Агатъ, и крѣпко пожалъ руку Евграфу. — Ты не могъ мнѣ сказать ничего болѣе радостнаго.

Кромѣ рукопожатія Евграфъ получилъ отъ Канъ-Агата богатый халатъ и десять червонцевъ. Предсказаніе Евграфа сбылось. Комендантъ Вѣрнаго подполковникъ Колпаковский выступилъ изъ укрѣпленія на встрѣчу непріятелю съ отрядомъ состоявшимъ изъ двухъ ротъ пѣхоты и двухъ сотенъ казаковъ при четырехъ орудіяхъ. Такой отрядъ противъ такого многочисленнаго непріятеля. Предположимъ что изъ восьмидесяти тысячъ человѣкъ вышедшихъ изъ Кокана, у Канъ-

вычайно просто, оставилъ такое имя въ Средней Азіи съ которымъ можетъ равняться только развѣ имя Ермолова на Кавказѣ. Впрочемъ и Ермоловъ былъ также очень простъ въ своей официальной жизни.

Агата осталась всего половина въ строю, но и съ этою силой онъ могъ легко раздавить Колпаковского. Русскіе однако подвигались впередъ, сформировали каре, съ пушками по угламъ, и.... но я не военный и къ несчастію не умѣю передать той картинности съ которою Евграфъ разказывалъ мнѣ это событіе. Достаточно сказать что Канъ-Агатъ былъ разбитъ на голову подъ Узанъ-Агачемъ, и вся многочисленная его армія уничтожена. Случись такое блестящее дѣло у Англичанъ или Французовъ, вся Европа знала бы о немъ, а у насъ никто, я думаю, и не замѣтилъ его. Но возвратимся къ Кокану.

Волненіе въ народѣ было далеко не вымышленное, хотя мѣстные власти отвергали его, и даже нашъ хозяинъ пытался насъ увѣрить что все спокойно какъ всегда. Я уже упомянулъ что наше заведеніе вывода было въ сосѣднемъ домѣ; этотъ домъ отдѣляла отъ нашей квартиры узенькая, пустынная улица, по которой приходилось сдѣлать тридцать или сорокъ шаговъ до воротъ заведенія. Прежде мы никогда никакихъ непріятностей не имѣли на этой улицѣ при частыхъ нашихъ посѣщеніяхъ; теперь же и на этомъ короткомъ пути начали долетать до нашего слуха привычныя ругательства. Приходилось ходить вооруженными. Я воспользовался этимъ обстоятельствомъ чтобъ и со своей стороны подѣйствовать на коканское правительство, которое очевидно хотѣло замаять все дѣло Потулова. Я вполнѣ убѣжденъ что оно глубоко сожалѣло о случившемся и готово было дать всякое требуемое удовлетвореніе, но съ другой стороны оно связано народнымъ фанатизмомъ, котораго оно побаивается, нѣтъ сомнѣнія, и вмѣстѣ до известной степени раздѣляетъ его. Чтѣ бы ни говорили коканскіе сановники, но въ глубинѣ ихъ сердце кроется желаніе выгнать насъ невѣрныхъ изъ Средней Азіи; у байгушей,* въ народѣ это желаніе высказывается открытѣе, вотъ вся разница. Въ Коканѣ отъ нѣкоторыхъ моихъ благопріятелей я слышалъ такого рода разсужденія: „въ открытомъ полѣ мы не можемъ устоять противъ Русскихъ, но малою войной мы вамъ много можемъ сдѣлать вреда.“ Въ заключеніе упоминали какъ будто всколзь: „Кашгаръ былъ сто лѣтъ подѣ властью Китайцевъ, однако теперь освободился.“ Рѣчь обыкновенно оканчивалась дружескими заявленіями: „мы любимъ Русскихъ“ и пр. Не думаю чтобъ эта скрытая и весьма понятная нена-

* Байгушъ—бобыль, голышъ.

висть могла быть предметомъ серьезныхъ опасеній со стороны нашего туркестанскаго начальства, тѣмъ болѣе что если Коканъ увидитъ и убѣдится что мы нисколько не намѣрены его покорить и присоединить къ нашимъ владѣніямъ, его интересъ подпасть нашему вліянію, которое болѣе усиливаетъ чѣмъ ослабляетъ его правительство. Тутъ какъ и прежде могу только повторить что постоянное пребываніе въ Коканѣ русскаго резидента было бы крайне желательно не только для безопасности нашихъ купцовъ, но и для руководства самимъ коканскимъ правительствомъ.

Ругательства прохожихъ во время нашихъ частыхъ переходовъ изъ квартиры въ заведеніе и обратно были отличнымъ предлогомъ чтобы заявить коканскому правительству о недостаточности нашей безопасности и просить о принятіи мѣръ. Я обратился къ нашему хозяину съ просьбой сѣздить къ наубу и просить чтобы намъ дали военный караулъ, который я предлагалъ содержать на свой счетъ во все время своего пребыванія. Наубъ, нѣчто въ родѣ великаго визиря въ коканской административной іерархіи, считается помощникомъ хана и вмѣстѣ военнымъ министромъ. Мурза-Керимъ, который зналъ что выставляемая мною причина ругательствъ вполне справедлива, отправился въ тотъ же вечеръ и вернулся съ отвѣтомъ что наубъ доложитъ хану, безъ дозволенія котораго нельзя давать солдатъ, и завтра дастъ отвѣтъ.

На слѣдующій день, во вторникъ, 9го іюня, утромъ мимо нашей [квартиры] провели преступника ранившаго Потулова. Его вели всѣми главными улицами города, окруженнаго большимъ количествомъ солдатъ. И все время на пути двое палачей били его палками по обнаженной спинѣ. При этомъ на главныхъ городскихъ лункахъ былъ прочитанъ приказъ хана въ коемъ объяснялась причина наказанія и объявлялось что если Потуловъ умретъ отъ полученныхъ ранъ, то преступникъ будетъ казненъ смертию. Я не выходилъ смотрѣть, но люди наши видѣвшіе экзекуцію говорили что спина была сильно избита. Мимо сарая его проводили два раза, и въ послѣдствіи отъ прикащиковъ Келлера я узналъ что наказанный былъ дѣйствительно тотъ самый который ранилъ Потулова. Удовлетвореніе значитъ было дано; притомъ все прошло мирно и спокойно, благодаря тому что наказаніе было сдѣлано не въ базарный день, а то врядъ ли оно обошлось бы безъ серьезныхъ волненій.

Часу во второмъ пріѣхалъ ко мнѣ секретарь мехтара и отъ его имени предложилъ джигита, который бы постоянно у насъ жилъ и охранялъ насъ дома и во время нашихъ поѣздокъ. Насчетъ военнаго караула, котораго я просилъ, мнѣ было объяснено что его дать нельзя, ибо чинъ нашего домо-владѣльца такъ великъ что въ его домъ ставить солдатъ законъ запрещаетъ. Мнѣ бы слѣдовало настоять на своей просьбѣ и поѣхать самому къ наубу; но намъ оставалось такъ мало времени жить въ Коканѣ что не стоило хлопотать, тѣмъ болѣе что преступникъ ранившій Потулова былъ наказанъ, и что всего важнѣе, наказаніе обошлось безъ всякихъ беспорядковъ. Я согласился принять джигита, и мы разговорились съ секретаремъ, причемъ какъ водится, имъ было выпито нѣсколько стакановъ чаю. Секретарь былъ въ очень веселомъ расположеніи духа, совершенно противоположномъ тому въ которомъ я его видѣлъ наканунѣ, когда онъ мнѣ показался такимъ тихимъ и нѣсколько даже грустнымъ. Очень понятно, мы говорили о недавнемъ происшествіи съ Потуловымъ; секретарь съ полною увѣренностью отвергалъ что въ Коканѣ можетъ быть хоть одинъ человѣкъ который бы осмѣлился ослушаться ханскаго приказа и даже отклониться отъ его исполненія; потомъ пошли разсужденія что сарайскіе, то есть Келлеръ и его прикащики, сами виноваты что ихъ не любятъ, а что вотъ де я, сейчасъ видно таксырь (большой человѣкъ), отъ этого меня всѣ любятъ и мнѣ въ Коканѣ никогда никто слова оскорбительнаго не скажетъ. Я отвѣчалъ что, несмотря на лестные его отзывы, столько слышавшася брани въ рѣдкія мои поѣздки по городу что не хочу болѣе выѣзжать изъ дому. Притомъ я замѣтилъ что не понимаю причины нелюбви къ сарайскимъ, они дѣлаютъ свое дѣло, и на нихъ только тогда могли бы жаловаться, еслибъ они не платили за покупаемыя ими вещи; напротивъ, они за все платятъ, и платятъ дорого, слѣдственно приносятъ одну пользу вамъ. Секретарь пустился въ длинныя увѣренія что слышанныя мною ругательства относились не ко мнѣ; если же и нашелся какой-нибудь дурной человѣкъ,—всюду они есть,—то теперь при джигитѣ ничего подобнаго никогда не будетъ. Мехтаръ поручилъ ему просить меня ѣздить всюду, куда я только пожелаю; причемъ секретарь какъ бы вскользь сказалъ: „если же вы согласились бы перемѣнить ваше платье и на-

дѣтъ наше, которое такъ удобно для лѣта, то положительно вы нигдѣ ни отъ кого дурнаго слова не услышали бы.“

— Потудовъ былъ одѣтъ по-кокански, отвѣчалъ я,—однако это его не спасло отъ нападенія.

Секретарь, вмѣсто того чтобъ отвѣтить на мое замѣчаніе, очень ловко перемѣнилъ разговоръ, напомнивъ мнѣ что въ началѣ нашего пребыванія прикащикъ Келлера очень дурно поступилъ съ моими на одномъ базарѣ и даже жаловались на меня мѣхтару, и посему мнѣ не слѣдъ за нихъ такъ горячо заступаться. Дѣйствительно было такое происшествіе; надо замѣтить что Азіятцы вообще очень искусные дипломаты въ своихъ разговорахъ.

Днемъ вторника окончилось тревожное состояніе русской небольшой колоніи въ Коканѣ. Не только водворилось полное спокойствіе въ городѣ; но ругательства совершенно прекратились, и во время нашихъ вечернихъ прогулокъ, мы никакой брани не слыхали болѣе. Чрезъ нашихъ пріятелей мы узнали что въ городѣ прошли слухи о нападеніи одного русскаго отряда на коканскихъ Киргизовъ. Я не повѣрилъ этому; но казалось что дѣйствительно было что-то похожее. На прощальномъ визитѣ у мехтара я отъ него самого услышалъ офиціальное подтвержденіе этого слуха, и подтвержденіе сдѣланное съ нѣкоторою торжественностью. Мехтаръ выслалъ изъ комнаты всѣхъ присутствовавшихъ, и оставшись одинъ со мною и съ переводчикомъ, передалъ мнѣ что дѣйствительно Русскіе отбили большое количество скота у Киргизовъ, подданныхъ хана, и взяли многихъ въ лѣвнѣ. При этомъ онъ спрашивалъ мое мнѣніе. Я высказалъ что по своему частному положенію не имѣю никакого значенія предъ туркестанскимъ русскимъ начальствомъ, причемъ надо знать всѣ обстоятельства дѣла чтобъ имѣть возможность судить; и по симъ двумъ причинамъ я бы желалъ отклонить отъ себя заявленіе какого-либо мнѣнія. Мехтаръ настаивалъ въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ; чтобы покончить этотъ разговоръ, я ему высказалъ полное убѣжденіе что нападеніе нашего отряда не могло быть иначе какъ вслѣдствіе какихъ-либо причинъ или поводовъ поданныхъ самимъ коканскимъ пограничнымъ населеніемъ. Вамъ самимъ извѣстно, прибавилъ я, генераль-губернаторъ литааетъ самыя дружелюбныя чувства къ хану и его подданнымъ, обратитесь къ нему, если нападеніе ничѣмъ не было вызвано и это одно только недо-

разумѣніе, то вы навѣрное получите удовлетвореніе; если же была какая-нибудь причина со стороны вашихъ подданныхъ, то постарайтесь сами ее устранить. Мехтаръ удовольствовался моимъ объясненіемъ, и мы разстались съ нимъ при долгихъ дружественныхъ заявленіяхъ съ обѣихъ сторонъ.

Нѣсколько часовъ спустя мы выѣхали изъ Кокана. Это было въ понедѣльникъ, 15го іюня, вечеромъ. Часть нашихъ знакомыхъ насъ провожала до воротъ города; нѣкоторые хотѣли даже ѣхать еще далѣе, до первой деревни; не безъ труда отклонили мы это предложеніе и распростились со всѣми въ самыхъ городскихъ воротахъ. Ночь была темная, къ тому же поднялся сильный вѣтеръ, называемый гарамсиль, который особенно въ степи былъ еще сильнѣе. Пыль, песокъ, которыя хлестали насъ по лицу, дѣлали ѣзду окончательно невозможною; лошади отказывались идти, и мы принуждены были остановиться въ одной деревушкѣ до свѣта, не достигнувъ до Бишъ-Арыка. Гарамсиль считается весьма вреднымъ вѣтромъ въ Коканѣ и бываетъ всегда въ концѣ іюня. Онъ сучитъ листья и плоды на деревьяхъ, переноситъ цѣлые холмы песку въ степи (это я самъ видѣлъ) и причиняетъ лихорадки съ прибавленіемъ нѣкоторой сыпи на тѣлѣ. Коканцы въ продолженіи этого вѣтра запираются въ домахъ и ни за что не выходятъ на улицу. Первая ночь по выѣздѣ изъ Кокана, проведенная въ маленькомъ чай-хане деревни Тамаша, была единственнымъ событіемъ нашего возвратнаго пути. Ёхали мы по той же самой дорогѣ, за исключеніемъ послѣдняго перехода въ ханствѣ, гдѣ мы измѣнили путь и держались ближе къ Сыръ-Дарьѣ. На этомъ переходѣ мы сдѣлали привалъ въ пограничной коканской крѣпости Махрамъ, одномъ изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ мною видѣнныхъ въ Коканѣ. Въ среду, 17го іюня, утромъ мы въѣхали въ Ходжентъ и не безъ удовольствія увидали нашихъ солдатъ.

Въ заключеніе приведу нѣсколько данныхъ о хлѣбопашествѣ и торговлѣ въ Коканѣ, записанныхъ мною со словъ туземцевъ.

Въ Коканѣ нѣтъ крѣпостныхъ; прежде были невольники, рабы, состоявшіе преимущественно изъ военнопленныхъ, но со взятія Русскими Ташкента, торгъ невольниками прекратился; большую же часть тѣхъ которые были у частныхъ лицъ ханъ взялъ себѣ, и въ настоящее время количество невольниковъ составляющихъ частную собственность чрезвы-

чайно ограничено. Сами Коканцы всѣ свободны. Большая часть земли принадлежит хану (то-есть правительству) и духовенству, затѣмъ остальное частнымъ лицамъ. Какая пропорція между сими двумя собственностями, положительно я не могъ узнать ни для одного округа. Большинство указаній согласно что частная составляетъ менѣ половины всего количества. Землевладельцы или сами воздѣлываютъ свою землю, или отдаютъ ее крестьянамъ на слѣдующихъ условіяхъ: Если у крестьянина свой собственный рабочій скотъ, то онъ беретъ половину отъ всего производимаго его трудомъ на арендуемой имъ землѣ; если же скотъ владѣльца, то одна треть продуктовъ поступаетъ крестьянину, а двѣ трети владѣльцу. Дѣлежъ между ними происходитъ по уплатѣ въ казну хираджа, — подати, составляющей одну пятую со всѣхъ производимыхъ зерновыхъ хлѣбовъ; также по уплатѣ танала. Таналь собственно есть мѣра: 60 сажень длины и столько же ширины. Этимъ именемъ называется подать взимаемая деньгами съ фруктовыхъ садовъ и которая различна, смотря по тѣмъ плодамъ которые даетъ таналь. Напримѣръ съ танала винограда берется ежегодно десять коканъ, то-есть 2 р. сер.; съ дынь пять, то-есть 1 р. сер.; съ урюка также 1 р.; съ юнгуручка, то-есть клевера, тоже 1 р. сер. Обѣ подати, и хираджъ и таналь, подати государственныя и поступаютъ въ казну хана. Владѣлецъ имѣетъ право выгнать крестьянина когда ему угодно и отдать землю другому. Но обычаемъ принято отдавать землю въ аренду осенью по полной уборкѣ всего, и землевладельцы по большей части не злоупотребляютъ своимъ правомъ, а напротивъ дорожатъ хорошими крестьянами, и встрѣчается много крестьянскихъ семействъ которыя десятки лѣтъ живутъ на однихъ и тѣхъ же земляхъ. Величина арендуемыхъ участковъ весьма различна. Случаи аренды земли за деньги чрезвычайно рѣдки.

За право торговли и за занятіе ремеслами никакой пошлины въ пользу казны не взимается. Существующіе въ Коканѣ базары принадлежатъ: одни хану, другіе медресе; торгующіе въ нихъ платятъ только за наемъ лавокъ. Иностранцы купцы и вообще иностранцы обязаны останавливаться въ одномъ караванъ-сараѣ, называемомъ ханскій сарай и находящемся въ началѣ главнаго базара. Въ этомъ сараѣ небольшое совершенно отдѣльное помѣщеніе для Русскихъ. Со всѣхъ привозныхъ товаровъ берется закеть, таможенная пошлина $2\frac{1}{2}\%$.

Вывозъ же всѣхъ товаровъ совершенно свободный, за исключеніемъ хлопка, который оплачивается пошлиной въ $9\frac{1}{2}$ кокановъ, или 1 р. 30 к., съ каждаго верблюда, правильнѣе сказать, съ каждой верблюжьей ноши, которая большею частью вѣситъ 16 пудовъ.

Самый образъ веденія заграничной оптовой торговли въ Коканѣ имѣетъ свои особенности. Привозимые въ Коканѣ товары покупаются мѣстными купцами только въ долгъ, съ уплатой въ два, три мѣсяца, даже и болѣе. При этомъ всѣ сдѣлки происходятъ не иначе какъ въ присутствіи и чрезъ посредство маклеровъ, признанныхъ правительствомъ и которыхъ имѣется опредѣленное число на каждый товаръ. На наличныя деньги трудно продать товаръ, даже если его небольшое количество, но если его много, то рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Капиталистовъ въ Коканѣ, какъ я слышалъ, нѣтъ, а если и есть, то они тщательно скрываютъ свое состояніе. Прежде въ Коканѣ, какъ и въ Бухарѣ, достаточно было прослыть богачомъ чтобы подвергнуться смертной казни, причемъ имущество казеннаго отбиралось безъ всякихъ разговоровъ въ пользу хана или эмира. Настоящее коканское правительство, говорятъ, не прибѣгаетъ болѣе къ такимъ энергическимъ средствамъ для увеличенія своихъ доходовъ, тѣмъ не менѣе скрывать свое состояніе и казаться бѣднымъ, осталось еще пока въ обычаѣ у всѣхъ Коканцевъ. Какъ бы то ни было, по отсутствію ли капиталовъ или вслѣдствіе ихъ сокрытія, большихъ операцій и на наличныя, при покупкѣ заграничныхъ товаровъ, въ Коканѣ не дѣлается. Обыкновенно вся торговая операція происходитъ слѣдующимъ порядкомъ: какъ только пріѣзжаетъ русскій купецъ или прикащикъ съ товаромъ, то тотчасъ по своему пріѣздѣ является къ мехтару и объявляетъ ему сколько чего онъ привезъ. Мехтаръ тутъ же сейчасъ призываетъ маклеровъ и приказываетъ имъ распорядиться чтобы товаръ гостя былъ проданъ какъ можно скорѣе и чтобы гость не былъ долго задержанъ въ городѣ. Начинается торгъ, и все малыми партіями; черезъ нѣкоторое время у гостя вмѣсто товара остается кила долговыхъ записокъ, засвидѣтельствованныхъ маклеромъ. Большею частью наши купцы не взыскиваютъ денегъ по этимъ запискамъ, а покупаютъ хлопокъ и шелкъ въ долгъ на тѣ сроки въ которые сами должны получить деньги, и тогда происходитъ у маклеровъ обмѣнъ долговыхъ обязательствъ. Если же они не по-

купаютъ обратнаго товара, то взысканіе по тѣмъ обязатель-
ствамъ которыя засвидѣтельствованы маклеромъ происхо-
дитъ безъ всякаго затрудненія и рѣдко дѣло доходить до жа-
лобъ мехтару. Въ послѣднемъ случаѣ взысканіе производит-
ся весьма быстро, и обыкновенно на другой же день маклеръ
приноситъ всѣ деньги сполна. Что же касается до сдѣлокъ
безъ участія маклеровъ, то онѣ очень часто оканчиваются
совершенною потерей для нашихъ купцовъ.

Всѣ русскіе прикащики жившіе въ Коканѣ жаловались мнѣ
на застой торговли; тотъ же отзывъ слышалъ я въ Ташкен-
тѣ, и также отъ полковника Носовича узналъ что та же жа-
лоба и въ Бухарѣ. Не берусь судить о причинахъ такого яв-
ленія; но мнѣ кажется это затихье торговли только времен-
ное, и съ открытіемъ путей нашимъ купцамъ далѣе на югъ и
юго-востокъ, Россія найдетъ гораздо болѣе обширный сбытъ
своимъ произведеніямъ.

Кн. ДМ. Д—ОЙ.

3го октября 1870.